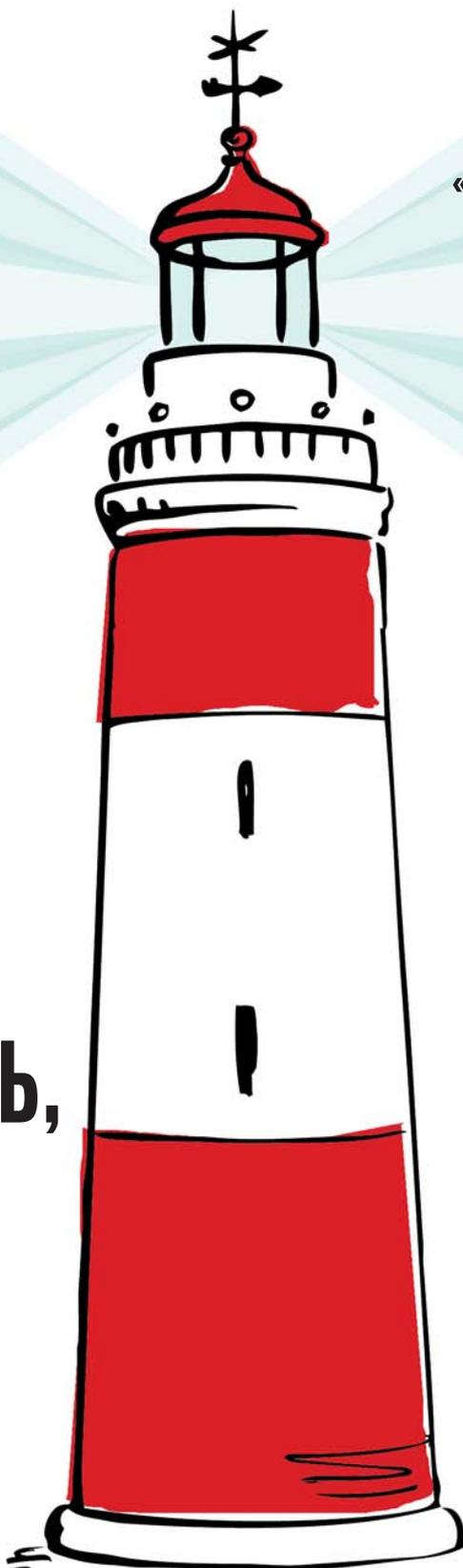

КАК МЫ ОТКРЫВАЛИСЬ, А НАС ЗАКРЫВАЛИ

драматические эпизоды
из истории «Интерфакса»

октябрь 1993 года:

**КАК КОРРЕСПОНДЕНТ
«ИНТЕРФАКСА» ВЫСТУПАЛ
В РОЛИ МИРОТВОРЦА**

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

о знаменитой заметке
«Интерфакса» об отмене
6-й статьи Конституции СССР

«ВО БЫЛИ ВРЕМЕНА!»

или за 500 дней
к рыночной экономике

**ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

воспоминания очевидца

«ИНТЕРФАКС» НА ВОЙНЕ

истории из жизни военных
корреспондентов

SOVIET BUSINESS

как удалось соединить
несоединимое

БУДЬ В КОНТЕКСТЕ!

WWW.SCAN-INTERFAX.RU

**НОВАЯ ПОИСКОВАЯ БАЗА ДАННЫХ
ДЛЯ АНАЛИЗА ИНФОРМАЦИИ И МЕДИАМОНИТОРИНГА**

- ▲ удобный инструмент для мониторинга СМИ, обработки деловой информации и графического анализа
- ▲ оптимальный набор источников: информагентства, газеты, журналы, интернет, ТВ, радио
- ▲ справки по 30000 компаний, 45000 биографий
- ▲ интеграция с системой СПАРК – крупнейшей базой данных о российских, украинских и казахстанских компаниях
- ▲ единственная база данных, которая содержит архив сообщений «Интерфакса» с 1989 года
- ▲ прозрачные фиксированные цены

Уважаемые друзья!

«Интерфаксу» – 20 лет

Ничтожно мало по меркам всемирной истории. И очень много – в российской действительности. 1989–2009 гг. – время перемен в нашей жизни. Радикальные перемены произошли в государственном строе, в политике, экономике, культуре, даже в быту. Смена приоритетов и целей, перемена судеб людей и всего общества.

Изменилось за эти годы и наше агентство, расширило масштабы и географию деятельности. Сегодня «Интерфакс» – это Группа компаний, признанный лидер информационного рынка России и других развивающихся стран, пользующийся авторитетом – без преувеличений! – во всем мире.

Но не менее важно напомнить, в чем «Интерфакс» остался прежним.

Нам не стыдно читать наши новости, написанные 15 или 20 лет назад, потому что и тогда, и сегодня мы стремимся придерживаться высших стандартов независимой журналистики, сообщать новости оперативно, точно, сохранять объективность и добиваться эксклюзивности. Несмотря на бури минувших лет, эти принципы деятельности агентства остаются неизменными, как и наше желание всегда первыми сообщать важнейшие новости, узнавать подробности событий, мнения о них разных сторон.

«Интерфакс» сделал себе имя на новостях, которые в итоге кардинально изменили жизнь нашей страны. Программа «500 дней», путч, развал СССР, вывод российских стратегических ракет с территории Украины и Белоруссии, создание СНГ, война в Чечне, агрессия Грузии против Южной Осетии. Все эти события, о которых люди сначала узнали из нашей ленты новостей, сегодня стали историей.

Эти события изменили и жизнь нашей страны, и запросы наших клиентов к различным видам информации. «Интерфакс», начав свой путь как агентство политических новостей, сегодня расширил сферу своей деятельности далеко за пределы новостной журналистики и поставляет практически все виды деловой информации, необходимой банкам, компаниям, инвесторам для работы на рынках.

Однако, сколь бы разными ни были направления работы «Интерфакса», везде мы стремимся соответствовать высоким стандартам качества, и прежде всего предъявляем жесткие требования к проверке информации.

О том, как формировались принципы и стандарты работы «Интерфакса», какими были первые шаги на пути длиной в 20 лет, мы и хотим рассказать в этом выпуске бюллетеня «Ваш «Интерфакс»».

Ваш «Интерфакс»

Как мы открывались, а нас закрывали

драматические эпизоды из истории «Интерфакса»

Михаил Комиссар,
Председатель
Совета директоров
Группы «Интерфакс»

В июле 1989 года (споры между очевидцами по поводу более точной даты продолжаются), когда набирали обороты перестройка и гласность, появилось первое в СССР независимое информационное агентство – «Интерфакс».

Михаилу Комиссару и еще нескольким журналистам, работавшим в Гостелерадио СССР, на Центральном радиовещании на зарубежные страны, удалось выбить согласие руководства не мешать созданию непрофильного продукта и... всего одну комнату.

По чистой случайности в популярном журнале «Наука и жизнь» энтузиасты натолкнулись на информацию о новых технологиях, которые позволили «Интерфаксу» обойти монополию ТАСС на его огромную сеть телетайпов.

О ключевых событиях первых лет жизни агентства рассказывает **основатель и бессменный руководитель Группы «Интерфакс» Михаил Комиссар**.

О перестройке, гласности и Гостелерадио

Объективной причиной создания агентства послужила политика гласности и другие изменения в стране. Многие стало возможным – ощущение этого буквально витало в воздухе. «Огонек», «Аргументы и факты», привлекавшие людей интересными и злободневными материалами, переживали тогда пик своей неслыханной популярности. Появились независимые печатные издания.

А вот телевидение, радио и единственное информационное агентство ТАСС из-за влияния на огромные массы людей оставались под тотальным контролем высшей власти – ЦК КПСС. Это в полной мере относилось и к иновещанию, где мы работали в редакции информации. В общем, страна зачитывалась Коротичем, а мы имели много интересной информации, которую невозможно было использовать.

В тот момент я был заместителем главного редактора главной редакции информации радиовещания на зарубежные страны, в моем подчинении находились около 200 сотрудников. Главная редакция информации была ключевым подразделением, которое готовило базовую информационную продукцию для вещания на все страны мира. В частности, мы делали так называемые часовые блоки новостей – при этом я отвечал за освещение событий в СССР (другой заместитель главного редактора – за международную жизнь).

Ко мне поступало большое количество информации, которая подвергалась жесточайшей цензуре. Довольно часто нашему начальству звонил контролиро-

вавший Гостелерадио Лигачев, и сверху эхом доходило: «Егор Кузьмич разрешил... запретил... рекомендовал...»

В общем, «гласность» в стране – и нехватка ее в отдельно взятом Гостелерадио – была объективным фактором, способствовавшим появлению независимого информационного агентства.

Другой фактор заключался в наличии у нас огромного количества очень интересной, «вкусной» информации, которая оставалась за бортом, поскольку не вписывалась в те критерии, по которым отбирали информацию для наших блоков новостей.

Как все начиналось, или «Одобрение» Яковлева

А непосредственным толчком к созданию «Интерфакса», как ни странно, послужило... приглашение на прием в индийском посольстве. Я разговорился там с иностранными дипломатами, которые спросили у меня, почему мы не делаем транскриптов своих передач, как это принято на многих радиостанциях в мире. У вас, говорят, сейчас в стране происходят очень интересные события, но не всегда есть возможность прослушать ту или иную беседу с экспертом, политологом, социологом. Вот если бы вы выпускали еще версии на бумажном носителе, мы, уверяли меня дипломаты, могли бы их даже покупать.

Это было первым импульсом. Но на запуск проекта ушло два года. Я ходил по инстанциям, объяснял, уламывал, находил дополнительные аргументы. Идеей горел один я, а против меня была целая система, без санкции которой я бы сделать ничего не смог.

И я эту санкцию получил. Как? Пришел однажды к Александру Яковлеву, который тогда был ближайшим соратником Михаила Горбачева и, по сути дела, вторым человеком в партии, взял у него интервью и в конце беседы за чаем с сухариками сказал: «Александр Николаевич, тут идея такая есть – объяснить иностранцам сущность нашей перестройки. Не понимают они ничего. А мы бы писали для них, переводили – в общем, облегчали бы восприятие». Александр Николаевич, уже уткнувшись в свои бумаги и почти забыв о моем существовании, ответил: «Ну неплохо».

Я радостно пришел к зампреду Гостелерадио и заявил, что вот, Яковлев одобрил. Тот, потрясенный, позвонил Председателю. Но спросить-то у члена Политбюро Яковлева, так это или не так, никто из этих чиновников ведь не мог!.. В конце концов, на меня фактически махнули рукой – и проект стартовал.

Хорошо это или плохо, но меня вела не возможность зарабатывать деньги. Мне просто было скучно. Я успешно делал карьеру, получал приличную зарплату, от Гостелерадио ездил за границу. Так что деньги в число мотивов не входили точно.

Да мы все тогда, наверное, к сожалению, просто не умели мыслить в рамках бизнес-логики. В чем-то нам это обстоятельство помогло, а в чем-то, напротив, помешало.

Те люди, которые пришли в бизнес на 3–5 лет позже, занялись нефтью, банками – в общем, серьезными делами. А мы крупным бизнесом заниматься возможности на тот момент не имели и даже не думали об этом.

Объективной причиной создания агентства послужила политика гласности и другие изменения в стране. Многие стало возможным – ощущение этого буквально витало в воздухе. Другой фактор заключался в наличии у нас огромного количества очень интересной, «вкусной» информации, которая оставалась за бортом

Нами была придумана такая бизнес-схема — поставлять клиентам недорогие факсы, брать за них аренду и тут же давать пакет нашей информации

Секрет имени

На закате 1980-х стали возникать первые совместные предприятия. Нас, как журналистов радио, приглашали на различные встречи, презентации, и мне пришла в голову мысль попросить у «новых» бизнесменов денег на наш проект. Поговорил с десятком очень довольных собой директоров. Но все они мою идею забраковали: «Есть ТАСС, есть «Правда». Что вы можете придумать нового?»

Но однажды я побывал на презентации советско-франко-итальянского СП «Интерквадро», которым руководил Лев Вайнберг — мудрый и интересный человек, умеющий мыслить глобально. Я пришел к нему с предложением всюду на нашей продукции размещать надпись «совместно с «Интерквадро» взамен на «материальную помощь». Помню, когда я сказал, что мне нужно всего лишь 20 тысяч долларов, он не смог сдержать усмешки.

Согласившись в принципе поддержать идею, Вайнберг потребовал представить ему тщательную проработку проекта. Первоначально при обсуждении схемы распространения информации я думал о создании курьерской службы из пяти десятков гонцов, которая по утрам доставляла бы клиентам бюллетени новостей.

Однако Вайнберга смущала российская неисполнительность, громоздкость и затратность схемы: «Кто-нибудь проспит, кто-то напьется, кто-то забудет, а клиенты будут раздражаться». Телетайпы тогда были лишь в ТАССе, а Интернета в России еще не существовало. Проблема распространения становилась ключевой и явно служила препятствием на пути реализации проекта...

М.Комиссар в первом офисе «Интерфакса» — в здании Гостелерадио, 1989 год

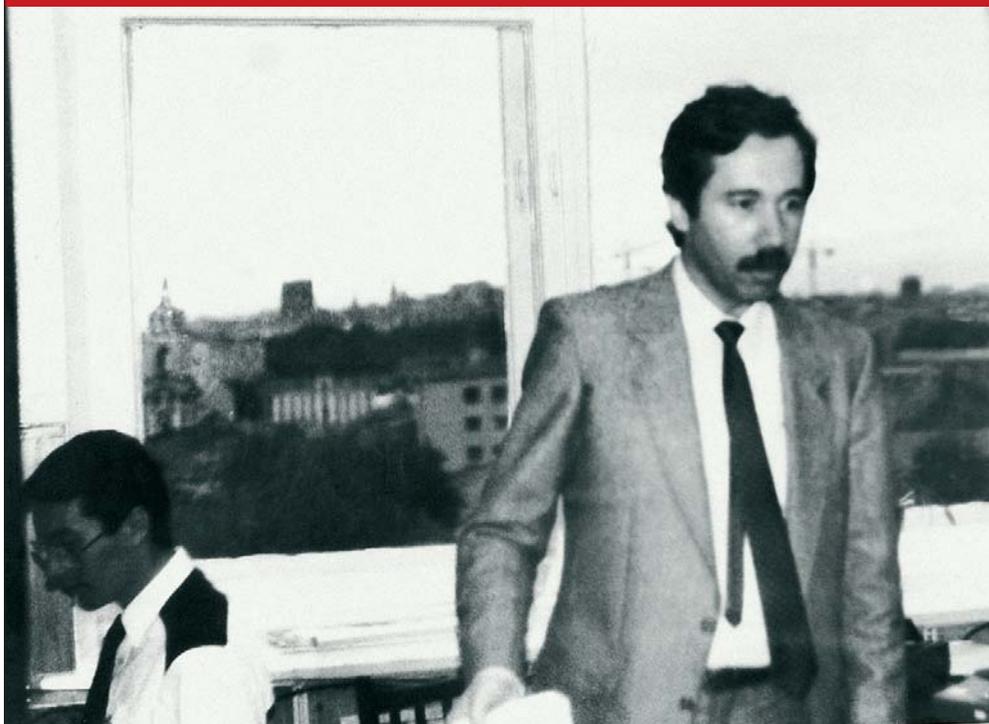

ФОТО ИЗ АРХИВА «ИНТЕРФАКС»

Тут, на счастье, мне попался популярный тогда журнал «Наука и жизнь» с рассказом о новой технологии – передаче текстов по телефаксу. В «Интерквадро» были знакомы с этим новейшим средством связи. «У меня их два», – гордо сказал Вайнберг, когда я прибежал к нему со статьей. «А что, это может сработать, хоть я ни разу ими и не пользовался», – заметил он. И мы тут же провели тест: послали страничку по факсу из одной комнаты в другую. Это было настоящее чудо: текст выполз в первоизданном виде.

В результате долгих размышлений было решено отправлять клиентам информацию по факсам, которые только-только появились в мире. Их были в СССР считанные единицы – в основном в иностранных компаниях и посольствах, которые, как мы предполагали, станут нашими первыми клиентами (потом с большим трудом приходилось добывать их номера). Поэтому нами была придумана такая бизнес-схема – поставлять клиентам недорогие факсы, брать за них аренду и тут же давать пакет нашей информации.

Так мы создали первый вариант агентства – «совместное издание иновещания Гостелерадио СССР и «Интерквадро» – и стали первой компанией в СССР не только в области оказания информационных услуг, но и распространения факсов.

Но нас как юрлица еще не было. Мы были лишь неким персоналом. Все деньги делились между Гостелерадио и «Интерквадро». Нам платили небольшую зарплату, чисто символическую.

Тогда же, в начале лета 1989 года, родилось и название. Помню сидел я и прикидывал разные варианты. Хотелось чего-то звучного и современного. А в большой моде тогда были первые СП с международными партнерами, и у всех у них были такие яркие имена с приставкой «интер»: «Интерквадро», «Интермикро» и т.п. Тут у меня, с учетом поразившей меня телефаксной технологии, щелкнуло: «Интерфакс»!

Первые шаги

Буквально через несколько месяцев мы стали прибыльными. Плата за подписку составляла 17 долларов в месяц, до сих пор не могу объяснить, почему. Видно, 20 казалось много, а 15 – обидно мало. При действовавшей тогда курсовой разнице, когда зарплата в 50 долларов уже считалась для журналиста весьма хорошей, 100 подписчиков обеспечивали нам достойную жизнь. Самый простенький факс стоил довольно дешево, окупался где-то за полгода.

На первые деньги, полученные от подписки, докупили несколько компьютеров, стали доплачивать журналистам, которые до того работали «из интереса». Через год компьютеров стало аж семь-восемь. У нас было несколько телефаксов, комната в 30 квадратных метров, около десяти постоянных технических сотрудников (машинистки, операторы факсов) и привлеченные на гонорарной основе журналисты Гостелерадио.

Число наших клиентов росло довольно быстро. Где-то через 3–4 месяца мы уже имели их под сотню. Каждый платил по 17 долларов, в сумме 1700 долларов в месяц, сумасшедшие деньги по тем временам. Но все они шли мимо нас. Мы не роптали, были абсолютно довольны положением дел, нам было интересно!

Где-то в начале 1990 года на нас начали ссылаться иностранные СМИ. Многие ведущие мировые издания на нас уже подписались. Помню очень долго

Хорошо это или плохо,
но меня вела не
возможность
зарабатывать деньги.
Мне просто было
скучно.
Те люди, которые
пришли в бизнес
на 3–5 лет позже,
заялись нефтью,
банками – в общем,
серьезными делами.
А мы крупным бизнесом
заниматься
возможности на тот
момент не имели
и даже не думали
об этом

У нас даже в мыслях не было давать информацию на внутренний рынок, своим внутренним СМИ. Сейчас, возможно, многие этого не поймут, но тогда была такая ситуация, когда внутренний враг считался страшнее внешнего

не подписывалось на наши новости агентство Рейтер – там говорили, что должны посмотреть, насколько мы будем успешными. Они у нас около года бесплатно получали информацию, после чего мы сказали, или пусть платят деньги, или отключаем.

Кстати, у нас даже в мыслях не было давать информацию на внутренний рынок, своим внутренним СМИ. Сейчас, возможно, многие этого не поймут, но тогда была такая ситуация, когда внутренний враг считался страшнее внешнего.

На Запад писать дозволялось, главным было, чтобы свои этой крамолы не видели. Мы ведь давали другой взгляд, другую информацию о том, о чем ни «Известия», ни «Правда» в то время не писали.

Война идеологий

Итак, мы очень быстро стали популярными и, как следствие, для всяческих идеологических начальников опасными.

В середине 1990 года у «Интерфакса» начались проблемы. Где-то в это же время в окружении Горбачева произошел мощный раскол. В руководстве СССР тогда набирало силу крайне консервативное крыло – Лигачев, Крючков, Полозков и другие. Смотреть равнодушно, как ширится неконтролируемый поток информации, они не могли. Люди в ЦК, симпатизировавшие нам (Александр Яковлев, Евгений Примаков, Аркадий Вольский), предупредили, что не смогут нас защитить. Им самим было нелегко – между либералами и консерваторами шла очень жесткая борьба.

Гостелерадио по-прежнему жестко контролировалось Лигачевым, поэтому ситуация была для нас крайне непростая. А мы к этому времени уже стали каналом коммуникации для «либералов» из Политбюро, которые с удовольствием скидывали нам свои мысли, идеи, реагировали через нас на события в стране и мире.

Почти каждый день меня вызывали к начальству и прямо говорили, что если я не уйду подобру-поздорову, то положу на стол партбилет. Начали давить на моих сотрудников, увольняли технический персонал. Обзвонили всех корреспондентов иновещания на местах – с этими не сотрудничайте, ничего им не давайте. Давление было очень сильным.

Особенно, по всей видимости, допекало власти то, что начала выходить в ежедневном режиме наша совместная с Baltic News Service лента «Балтфакс». Сообщения из Прибалтики, которая в те дни быстро становилась «горячей точкой», разлетались за секунды, цитировались множеством СМИ и... бесили партийных бонз.

Агентство пережило девять иезуитских проверок за год. Придирались и проверяли все: пожарную безопасность, соблюдение трудового законодательства, финансовую отчетность и т.п. Это при одной-то комнате, десяти техсотрудниках и паре десятков штатных радиожурналистов, работавших за гроши по совместительству!

К концу года прессинг усилился и стало понятно, что развязка близка.

Мне уже напрямую различные чины в Гостелерадио говорили: ты доиграешься, не жди, пока тебя закроют, закрывайся сам. Но тут, как говорится, нашла кося на камень. Нам уже не хотелось закрываться.

В это же время поменялось руководство «Интерквадро». Поддерживавший нас Л.Вайнберг покинул компанию. Новые хозяева хотели тихо зарабатывать

деньги, без всяких проблем с властями. Больше их ничего не интересовало. И они очень быстро заявили нам, что не желают участвовать в наших играх. Французы прислали письмо с отказом от продолжения своего участия в издании. Главный редактор нашей редакции на иновещании откровенно сказал мне, что не сможет нас отстоять и тоже подписал отказное письмо.

Но к тому времени уже вышел первый советский Закон «О печати», по которому трудовой коллектив СМИ или его главный редактор в случае отказа учредителя от своего издания имел право создать СМИ под тем же названием.

Осенью 1990 года, понимая, что надеяться можно только на собственные силы, воспользовавшись этим законом, я пришел к российскому министру печати и информации Михаилу Полторанину.

Никогда не забуду, как, когда я сказал ему, что ЦК хочет нас закрыть, М.Полторанин – близкий соратник Бориса Ельцина – злорадно засмеялся: «Сейчас мы им покажем». Сам сел за пишущую машинку, впечатал в бланк необходимые фразы и, вынув из кармана брюк министерскую печать, громко шлепнул по документу. «Что они теперь запоют?» – радостно проводил он меня.

Вся регистрация заняла минут десять. При этом зарегистрировали нас как печатный орган, но еще не как юридическое лицо. Затем с большими сложностями, но мы все же сумели зарегистрироваться и как общество с ограниченной ответственностью.

Главная проблема состояла в том, что у нас банально не было денег. По тогдашнему закону, минимальный уставный капитал ООО равнялся 50 тысячам рублей. Из них половину надо было заплатить сразу при регистрации, а вторую половину – до конца первого года деятельности. То есть нам надо было иметь минимум 25 тысяч рублей, а у меня на книжке было только 3 тысячи.

Агентство пережило девять иезуитских проверок за год. Придирались и проверяли все: пожарную безопасность, соблюдение трудового законодательства, финансовую отчетность и т.п. Это при одной-то комнате, десяти техсотрудниках и паре десятков штатных радиожурналистов, работавших за гроши по совместительству!

ИЗ СООБЩЕНИЙ МИРОВЫХ СМИ

«Интерфакс» – новая служба новостей, имеющая хорошие связи, предоставляет несравненно более полное освещение событий, чем государственный ТАСС. Многие зарубежные корреспонденты в Москве стали полагаться на «Интерфакс», который дает быстрые и точные сообщения о закрытых заседаниях правительства и новости из различных советских республик.

Директор «Интерфакса» Михаил Комиссар сообщил, что четыре представителя Гостелерадио и несколько милиционеров пришли в помещения «Интерфакса» в Гостелерадио и конфисковали большую часть оборудования. По его словам, хотя «Интерфакс» зарегистрировался как независимое СМИ в сентябре прошлого года, они предъявили претензии на оборудование и на часть доходов агентства. В то же время Комиссар подчеркнул, что представители Гостелерадио дали понять, что предпринимают эти шаги из-за несогласия с редакционной политикой «Интерфакса».

Washington Post, 11 января 1991 года

Представитель «Интерфакса» сказал по телефону, что представители Гостелерадио пришли в помещения в здании Московского радио и отключили оборудование агентства. В заявлении агентства, разосланном агентством перед самым отключением, руководство «Интерфакса» заявило, что рассматривает этот шаг как часть сознательной политики по «ликвидации независимых информационных структур».

Toronto Star, 12 января 1991 года

Глава РСПП А.Вольский и М.Комиссар в центральном офисе «Интерфакса» в Москве, 1995 год

11 января 1991 года состоялось трехчасовое заседание коллегии Гостелерадио СССР, где обсуждался вопрос «о вредительской и антипартийной деятельности «Интерфакса» и его руководителя М.Комиссара»

Я снял – к ужасу жены – все эти деньги и стал искать, кто бы еще вошел в партнеры. Предлагал буквально всем, кого знал. Несколько коллег по инновации согласились войти в капитал, но многие отказались. «Ты нам зарплату вовремя плати, а капиталистами мы быть не хотим», – говорили эти осторожные люди. Такие были времена.

Но, в конце концов, мы все же наскребли 25 тысяч рублей и смогли зарегистрироваться как ООО.

Почему «Интерфакс» отмечает День независимости 11 января

Разрыв с Гостелерадио, в помещении которого мы продолжали работать и штатными сотрудниками которого еще являлись (в «Интерфаксе» мы считались совместителями), был неминуем. Нам прямо заявляли, что мы – «не жильцы».

11 января 1991 года состоялось трехчасовое заседание коллегии Гостелерадио СССР, где обсуждался вопрос «о вредительской и антипартийной деятельности «Интерфакса» и его руководителя М.Комиссара».

Обсуждение длилось три часа, в течение которых меня полоскали тогдашний председатель Гостелерадио Леонид Кравченко, его услужливые замы и партактивисты. Это был классический обвинительный процесс с соответствующей стилистикой – «Михаил Комиссар льет воду на чужую мельницу» и т.п. В результате было принято решение нашу вредоносную деятельность немедленно прекратить. А надо сказать, что утром этого дня, предполагая самое худшее, мы предварительно разослали всем своим клиентам сообщения, что если больше не выйдем, значит, нас закрыли.

Человек сто иностранных корреспондентов в этот вечер дежурили около Гостелерадио. Никогда в своей жизни я не давал столько интервью, сколько в тот день. Закрытие «Интерфакса» стало тогда второй мировой новостью. Первой были сообщения из Прибалтики, где как раз началось обострение.

За несколько дней до этого на телевидении закрыли популярнейшую тогда программу «Взгляд». Теперь – нас. Все мировые телеканалы, агентства, газеты посчитали это важнейшим событием, иллюстрирующим непростое положение Горбачева и его сторонников.

Не выдержав такого внешнего медийного прессинга, советская идеологическая машина ответила в своем обычном ключе. На следующий день после закрытия в ответ на шум, поднятый в иностранных СМИ, в девятичасовой программе «Время» диктор, кажется Аза Лихитченко, зачитала заявление: в связи с волной слухов Гостелерадио СССР сообщает, что деятельность «Интерфакса» была признана неправильной; компетентные органы еще разберутся с агентством и его руководителем Михаилом Комиссаром... Можете себе представить, что тогда значило подобное заявление в программе «Время» – главной государственной информационной телепрограмме?

Мне немедленно позвонила из Харькова мама: «Миша, все. Тебя посадят». Но в тот момент у меня появилась какая-то ярость, желание доказать: я все равно продолжу дело, несмотря на вас, сволочей. Я же понимал, что то, что мы делаем, интересно и стратегически правильно, что общественную эволюцию не остановить. Меня прессинговали год – и по мелочам, вплоть до отключения электричества, и по-крупному. Это не могло не породить во мне здоровую злость: не дождетесь!

Нас вышибли из Гостелерадио за день, нарушив КЗОТ и прочие правила, уволив, без формального объяснения, всех журналистов. Пытались конфисковать

Человек сто иностранных корреспондентов в этот вечер дежурили около Гостелерадио. Никогда в своей жизни я не давал столько интервью, сколько в тот день. Закрытие «Интерфакса» стало тогда второй мировой новостью. Первой были сообщения из Прибалтики, где как раз началось обострение

ИЗ СООБЩЕНИЙ МИРОВЫХ СМИ

«Интерфакс» с его активной группой молодых и целеустремленных репортеров революционизировал освещение событий в Советском Союзе и стал автором важных сенсаций, например, таких как начало разработки прошлым летом (1990 года. – «ИФ») экономической программы «500 дней», направленной на превращение СССР в рыночную экономику. У «Интерфакса», который ввел оперативность в советскую журналистику, есть корреспонденты с хорошими связями в союзном парламенте и парламентах республик, и они бегут к телефонам, чтобы передать срочную новость, так же как и их западные коллеги.

UPI, 11 января 1991 года

Глава Гостелерадио Леонид Кравченко приказал в пятницу отключить большинство телефонных линий у независимого агентства «Интерфакс», которое распространяет свои сообщения по телефаксам, и теперь «намерен закрыть наши комнаты», сообщил директор «Интерфакса» Михаил Комиссар. Комиссар считает, что проблема носит «политический характер».

Некоторые законодатели публично выразили свое возмущение, когда агентство на прошлой неделе распространило показатели оборонного бюджета еще до того, как они были одобрены правительством.

Associated Press, 11 января 1991 года

Оригинал экстренного обращения «Интерфакса» к подписчикам, 11 января 1991 год

interfax
ИНТЕРФАКС**ЭКСТРЕННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ
"ИНТЕРФАКСА"****11 января 1991.**

Руководство Гостелерадио СССР во главе с Председателем Леонидом Кравченко приняло 11 января решение о прекращении деятельности агентства "Интерфакс" в помещениях здания Гостелерадио. Л. Кравченко распорядился арестовать все принадлежащее "Интерфаксу" имущество, которое находится в здании Гостелерадио.

Напомним, что "ИФ" был создан как независимое агентство в сентябре 1989 года. Его учредителями стали Главная редакция Информации Московского Радио (одно из подразделений Гостелерадио) и советско-франко-итальянское предприятие "Интерквадро". В сентябре 1990 г. "ИФ" выделился в самостоятельное информационное агентство и был зарегистрирован в соответствии с Законом в Министерстве печати и массовой информации РСФСР.

Поскольку в новых помещениях, которые были предоставлены агентству в долгосрочную аренду Мосгорисполкомом, в настоящее время продолжается ремонт, "Интерфакс" по-прежнему занимает несколько небольших комнат в здании Гостелерадио СССР на ул. Пятницкой, 25.

"Интерфакс" убежден, что причинами сегодняшнего конфликта с Гостелерадио СССР являются не финансовые и имущественные претензии. Оборудование, о котором идет речь, принадлежит "Интерфаксу" и является юридически оформленной собственностью агентства. Это право мы готовы оспаривать в судебном порядке.

"Интерфакс" рассматривает эту акцию нового руководства Гостелерадио СССР как логическое развитие взятого Леонидом Кравченко курса на ликвидацию независимых информационных структур. Недавнее запрещение популярнейшей советской телепрограммы "Взгляд", исчезновение с экранов передач "Авторского телевидения" - звенья той же цепи. Руководство Гостелерадио СССР и не скрывает, что информация "Интерфакса" не отвечает его политической концепции.

"Интерфакс" будет продолжать работу до тех пор, пока для этого будут оставаться технические возможности. Если вы, наши подписчики, перестанете получать выпуски "ИФ", значит, нас лишили этих возможностей. Если это случится, "Интерфакс" возобновит свою деятельность сразу же после переезда в новое помещение. Мы заранее просим извинить нас за вынужденную приостановку и надеемся на ваше понимание.

"Интерфакс" обращается ко всем своим подписчикам. Помешать осуществлению намеченной акции может только тот, кто назначил Л. Кравченко на его пост - Президент СССР М. Горбачев. Ваши обращения непосредственно к нему могут оказать нам неоценимую помощь в трудный час. Мы призываем вас к акции журналистской солидарности и поддержки.

и имущество, но мои угрозы обратиться в суд с последующим вычетом причиненных убытков из персональной зарплаты хозяйствующих начальников Гостелерадио возымели действие. Нам дали ночь на то, чтобы вывезти всю технику и архивы.

Однако была проблема, куда все это перевезти. Где нас не тронут? У нас установились хорошие отношения с близким к Горбачеву Аркадием Вольским (в 1991 году – президент Научно-промышленного союза СССР), очень порядочным, мудрым человеком, впоследствии возглавившим Российский союз промышленников и предпринимателей. Я бесконечно благодарен Аркадию Ивановичу за то, что он не только помог нам разместиться, но и прямо защищал от давления могущественных лиц (из числа первой тройки в государстве). Разрешил нам переехать в Белый дом и Борис Ельцин (в то время глава Верховного Совета РСФСР). В общем, полгода мы, уже ставшие тогда юридическим лицом, работали в двух точках – Научно-промышленном союзе у Вольского и у Ельцина в здании Верховного Совета.

Притеснителям А.Вольский при мне – я часто сиживал в его кабинете – говорил, что он против закрытия «Интерфакса», что агентство будет находиться у него, и те, кто попытается этому помешать, будут иметь дело с ним лично. Его побаивались. Ельцину же никто просто не осмелился ничего сказать. Так, постепенно, от нас отцепились.

И несмотря на все катаклизмы 11 января, тогда мы прервали передачу подписчикам наших выпусков меньше, чем на сутки!

Вот с тех пор каждый год 11 января «Интерфакс» отмечает День независимости – это наш главный корпоративный праздник.

ГКЧП против SPRINT

ГКЧП, объявив 19 августа 1991 года о захвате власти, ввел цензуру, была прекращена деятельность многих СМИ и отключена международная телефонная связь. Тем не менее информация «Интерфакса» беспрепятственно доходила до зарубежных клиентов.

В 1991 году «Интерфакс» был выдвинут за освещение августовских событий на Пулитцеровскую премию, которая является, пожалуй, самой престижной наградой США в области журналистики и литературы

ИЗ СООБЩЕНИЙ МИРОВЫХ СМИ

Валентина Ланцева (пресс-секретарь президента Российской Федерации Бориса Ельцина. – «ИФ») сказала на пресс-конференции, что в пятницу Борис Ельцин встретился с директором «Интерфакса» Михаилом Комиссаром и сказал ему, что «мы готовы взять под наше крыло «Интерфакс», «Взгляд» и другие СМИ, которые хотят свободы».

«Мы рассматриваем закрытие «Интерфакса» более или менее в том же ряду событий, которые происходят сейчас в Литве», – сказала В.Ланцева. М.Комиссар сообщил, что ему было предложено перевести «Интерфакс» в здание Верховного Совета.

Агентство, основанное в 1989 году, возобновило свою деятельность в субботу в помещении, арендованном у Научно-промышленного союза (ныне Российский Союз промышленников и предпринимателей. – «ИФ»), сказал М.Комиссар.

Associated Press, 12 января 1991 года

В 1991–1992 годах мы стали первыми в стране, кто начал профессионально развивать экономическую и финансовую информацию, сфокусированную на отдельных отраслях

Дело в том, что в 1990 году, чтобы доставлять информацию в электронном виде зарубежным подписчикам, «Интерфакс» подключился к глобальной сети SprintNet.

Однако ни ГКЧП, ни КГБ, похоже, об этой сети не знали, и она продолжала работать, в то время как обычная телефонная связь с миром прервалась.

В результате в самый драматический период путча «Интерфакс» был почти единственным источником информации о происходящем в Москве и других городах Союза.

Наше представительство в США, открытое незадолго до путча, рассылало приходящие из Москвы сообщения по факсу всем американским СМИ, а также в Белый дом. На третий день кризиса новости стали столь горячими, что нашим журналистам приходилось зачитывать их сотрудникам американской администрации прямо по телефону, так как у них не было времени ждать у факса.

В 1991 году «Интерфакс» был выдвинут за освещение августовских событий на Пулитцеровскую премию, которая является, пожалуй, самой престижной наградой США в области журналистики и литературы.

Как у «Интерфакса» появилась Хартия

На рубеже 1980–1990-х годов, когда начал работу «Интерфакс», фактически формировались принципиально новые стандарты советской, а затем и российской информационной журналистики. Формировались, конечно, с опорой на мировой опыт.

Мы привыкли на иновещании адаптировать информацию для зарубежной аудитории, поскольку в оригинале читали сообщения иностранных информ-агентств (Рейтера, Франс Пресс, АП, ЭФЭ и других), знали стандарты и традиции зарубежной новостной журналистики. «Интерфакс» с самого начала делал ставку именно на них. И эти стандарты, основанные на принципах независимости, объективности, достоверности, существенно, я бы сказал радикально, отличались от правил советской партийной журналистики, советской пропаганды.

Повторю, что для российской журналистики того времени это было, как сказали бы сейчас, абсолютно инновационным подходом.

И конечно, мы хотели открыть еще один канал распространения альтернативной информации, неподцензурных новостей, хотели расширить рамки гласности, превратить ее, наконец, в цивилизованную свободу печати.

Здесь надо вспомнить, что вообще творилось тогда на отечественном информационном поле. А солировал на нем – ТАСС. Я вообще-то уважительно отношусь к этой организации. Это – большая структура, которая прошла большой путь. Там работали и работают много замечательных людей. Но в то время это была организация, в цели которой не входило своевременно, оперативно и ясно доводить информацию.

Сообщения ТАСС могли звучать примерно следующим образом: Генеральный секретарь ЦК КПСС встретился с госсекретарем США. На встрече затрагивались вопросы, представляющие взаимные интересы. Госсекретарь США подтвердил известную позицию американской стороны по поводу ракет в Европе. На это М.Горбачев заявил, что СССР боролся и будет бороться за мир во всем мире и никогда не позволит... Ну и так далее.

От этой белиберды на Западе шалели, никто ничего не мог понять.

Собственно, «Интерфакс» и занимался тем, что описывал эту же тему, но уже в адекватном формате: «Горбачев встретился с Шульцем. На встрече обсуждались разногласия по поводу размещения «першингов» в Европе. Американцы продолжают настаивать на том, что они не будут демонтировать базы в Германии и Турции. СССР заявляет, что его эта позиция не устраивает и он готов ответить контрмерами – размещением своих ракет в соседних регионах. Но это никому не выгодно. Поэтому советский лидер предлагает следующие варианты...»

Получив два-три подобных сообщения, потребитель очень быстро делал вывод, что на эту информацию стоит подписаться. Конечно, ее качество целиком зависело от профессионализма наших сотрудников, но оно было на очень высоком уровне. Ничего похожего до тех пор в СССР в принципе не было, и соревноваться в этом с советскими печатными органами нам было совсем нетрудно.

Принципы информационной работы, на которых строится деятельность агентства, мы считаем ключевым элементом нашего успеха.

Лет 10 назад Правление «Интерфакса» приняло Хартию агентства, принципам которой мы неукоснительно следуем и сегодня.

«Мы уважаем право общества знать правдивую информацию и делаем все от нас зависящее, чтобы эта информация стала ему доступна, – записано в Хартии. – Все это требует постоянного и бескомпромиссного соблюдения агентством и каждым журналистом, работающим в нем, этических и редакционных норм, принципов НЕЗАВИСИМОСТИ, ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ТОЧНОСТИ И ОБЪЕКТИВНОСТИ».

«Интерфакс», говорится в Хартии, не допускает, чтобы его информация использовалась для лоббирования интересов какой-либо группы людей, организации или компании, появления в своих информационных сообщениях скрытой или явной политической или коммерческой рекламы.

Журналисты «Интерфакса», согласно Хартии, воздерживаются от высказывания в информационных сообщениях собственного мнения, предоставляя делать выводы самим получателям информации.

Лет 10 назад Правление «Интерфакса» приняло Хартию агентства, принципам которой мы следуем и сегодня. «Интерфакс», говорится в Хартии, не допускает, чтобы его информация использовалась для лоббирования интересов какой-либо группы людей, организации или компании

ИЗ СООБЩЕНИЙ МИРОВЫХ СМИ

Информационное агентство «Интерфакс» последовательно дает точные новости и имеет информацию, которой нет у иностранных корреспондентов. На этой неделе «Интерфакс» не только предоставил полные сообщения из республик Прибалтики, но и на день раньше сообщил о предстоящем назначении Александра Бессмертных министром иностранных дел.

Гостелерадио, государственная служба теле- и радиовещания, изгнало «Интерфакс» из своих помещений на прошлой неделе в стремлении закрыть агентство, однако днем позже агентство получило поддержку и вновь начало передавать информацию по факсам.

«Прежние органы контроля больше не могут нас сдерживать. Старые методы больше не работают», – сказал директор «Интерфакса» Михаил Комиссар.

Washington Post, 17 января 1991 года

Мне очень помогли друзья и коллеги, поверившие в агентство. Такие системы, как наша, – это системы коллективные. Возле меня довольно быстро сложилась компания единомышленников, которые стали лучшими информационщиками страны

Экономика приносит деньги, политика – имидж

Мне очень помогли друзья и коллеги, поверившие в агентство. Такие системы, как наша, – это системы коллективные. Уже через несколько месяцев после начала проекта к нам стали подтягиваться умные, талантливые и энергичные люди. Те, кого достали. Те, у кого были мозги. Те, у кого был характер. Кому надоело играть в информационный идиотизм, который в то время существовал в Гостелерадио: жизнь сама по себе, а информационный поток сам по себе. Так что возле меня довольно быстро сложилась компания единомышленников, которые стали лучшими информационщиками страны.

Потом, уже в ельцинский период, мы осознали себя полноценной компанией, организовались как хозяйственная единица и стали думать, как жить и работать дальше. Было ясно, что общеполитическая информация останется важной составляющей нашей работы. С другой стороны, мне помог предыдущий опыт человека, связанного с экономикой. Я понимал, что политическая информация имеет довольно ограниченный рынок. Кто подписывается на нее? Средства массовой информации, властные структуры, представительства иностранных государств – это все. В общем, сотни, но не тысячи клиентов. И если мы хотели считать на десятки тысяч, нужно было заниматься бизнес-информацией. Но информационных услуг этого рода в Советском Союзе не было в принципе как класса. Приходилось создавать с нуля основы агентства деловой информации.

М.Комиссар (второй слева) в окружении коллег, стоявших у истоков создания «Интерфакса». Слева направо: А.Мартынов, В.Терехов, Р.Абдуллин

Итак, мы довольно быстро поняли значение экономических новостей. Для меня здесь особо впечатляющим оказался пример агентства Рейтер.

Я был поражен, узнав, что Рейтер только 5–6% своих доходов получал от продажи политической информации. Все остальное шло от финансово-экономического блока. В то же время я ознакомился с работой АП и Франс Пресс и понял, что агентства, которые специализируются только на политической информации, всегда бедны, им вечно не хватает денег. Поэтому мы изначально стали ориентироваться на модель Рейтера.

За счет общеполитической информации, которую все цитируют, создается имидж. А деньги приходят за счет финансово-экономического блока, потому что бизнес-клиенты платят больше, да их и просто намного больше количественно.

А где-то в 1991–1992 годах мы стали первыми в стране, кто начал профессионально развивать экономическую и финансовую информацию, сфокусированную на отдельных отраслях. В эти годы в основном сложился формат экономических новостей «Интерфакса», который мы также стремились сделать максимально близким к принятым на Западе, и он мало изменился за эти годы.

Еще в Гостелерадио мы издавали соответствующее издание для иностранцев. Оно называлось Soviet Business Today. Потом первыми перешли к созданию профильных изданий в таких сферах, как нефть и газ, металлы, банки и финансы, сельское хозяйство. Иными словами, стали развиваться как специализированное профессиональное агентство, подробно освещающее бизнес-темы.

Никто в СССР не писал так, чтобы это было понятно западным читателям, и чтобы на основании этой информации можно было принимать бизнес-решения – об импортных закупках зерна и контрактах на строительство, например, химкомбинатов, о торговле валютой. Помню, как госчиновники с недоумением спрашивали, когда мы интересовались объемом заключенного контракта в долларах или мощностью второй очереди завода КАМАЗ: «Зачем вам это надо?!»

Что такое «Интерфакс»

На волне огромного интереса на Западе к тому, что происходит в СССР, мы открыли первый зарубежный офис в Америке, затем создали компании в Германии, Англии, Гонконге. Стали обрывать своими бюро в разных точках бывшего СССР. И постепенно выросли до того, что есть сегодня.

А сегодня «Интерфакс» – это международная группа из порядка 35 компаний. Есть две крупные географические зоны, в которых мы работаем как информационная структура, собирающая и продающая информацию, – это страны бывшего СССР и Китай. Компании в США, Великобритании, Германии, Гонконге, Польше занимаются только продажами наших информационных и аналитических продуктов.

Безусловно, самая активная наша деятельность протекает на постсоветском пространстве, конкретно в России. Наши агентства на Украине, в Белоруссии, Казахстане и Азербайджане уверенно занимают лидирующие позиции на соответствующих информационных рынках. У всех у них свои замечательные менеджеры, отличные журналистские команды, свои многочисленные клиенты.

В 1991–1992 годах мы стали первыми в стране, кто начал профессионально развивать экономическую и финансовую информацию, сфокусированную на отдельных отраслях. В эти годы в основном сложился формат экономических новостей «Интерфакса», который мы также стремились сделать максимально близким к принятым на Западе, и он мало изменился за эти годы

Сегодня «Интерфакс» – это международная группа из порядка 35 компаний. Есть две крупные географические зоны, в которых мы работаем как информационная структура, собирающая и продающая информацию, – это страны бывшего СССР и Китай. Компании в США, Великобритании, Германии, Гонконге, Польше занимаются только продажами наших информационных и аналитических продуктов

Далее – корпункты в других странах бывшего СССР. Главный координационный офис – но, подчеркиваю, не командующий, так как все наши подразделения, работающие в других странах, сами ведут свою редакционную политику, – находится в России, здесь у нас имеется около 50 бюро, практически во всех более или менее значимых центрах.

Отдельные агентства созданы в каждом федеральном округе. Всего их семь. Они занимаются локальной информацией, собирают и продают ее в своих регионах.

Наконец, отраслевые направления – агентства нефтяной, газовой, энергетической, финансовой информации.

Самый крупный зарубежный информационный проект Группы – информационное агентство «Интерфакс-Китай», которое сегодня является крупнейшим зарубежным СМИ в КНР.

Группой «Интерфакс» создана сеть пресс-центров, которая не имеет аналогов и объединяет 30 пресс-залов на территории России, Украины, Казахстана и Азербайджана.

В состав Группы также входит ряд специализированных структур, занимающихся разработкой поисковых баз данных, предоставлением услуг в сфере IR и раскрытия информации. В их числе агентство «Интерфакс-АКИ», располагающее крупнейшей базой данных корпоративной информации СПАРК – более 12 миллионов компаний России, Украины, Казахстана; а также Центр экономического анализа – ведущая аналитическая компания России и СНГ, выпускающая известные под брендом «Интерфакс-100» и «Интерфакс-1000» рейтинги банков и страховых компаний.

Группа успешно сотрудничает с ведущими мировыми компаниями. Так, Moody's Interfax Rating Agency, созданное в партнерстве с мировым лидером рейтингового бизнеса агентством Moody's Investors Service, занимает лидирующие позиции на российском рынке рейтинговых услуг.

В конце 2004 года Группа начала активно развивать новый для себя, да и в целом для российского рынка бизнес-бюро кредитных историй. Партнером «Интерфакса» по этому проекту выступает крупнейшее мировое кредитное бюро Experian, с которым на паритетных началах создано бюро кредитных историй «Экспириан Интерфакс». Сегодня «Экспириан Интерфакс» входит в тройку ведущих кредитных бюро России.

С 2006 года стратегическим партнером «Интерфакса» в России и области предоставления IR-услуг (Investor Relations) выступает одна из крупнейших мировых информационных компаний – Thomson Reuters.

В 2008 году приступило к деятельности совместное предприятие «Интерфакс-Ди энд Би» («Interfax-D&B»), созданное «Интерфаксом» на паритетных началах с мировой корпорацией Dun & Bradstreet. СП предоставляет международным клиентам информацию о российских компаниях, источником которой является уже упомянутая база данных СПАРК.

Зарубежные структуры Группы управляются из Лондона. Там находится руководство Центральной Европы, Германии, США, ЮВА.

Общее количество наших сотрудников сегодня составляет более 1000 человек. Информацию о своих доходах мы не разглашаем. Но в любом случае

информационные агентства – не нефтяные компании. Они не оперируют сотнями миллионов или миллиардами долларов...

Структура, которая живет

Очевидно, что «Интерфакс» достиг серьезных успехов. Но у меня нет ощущения, что мы уже в верхней точке пути. Наши планы расписаны на несколько лет вперед. Повторяю, такие структуры, как наша, не могут зависеть от одиночек. У нас много высокопрофессиональных, великолепных людей – и менеджеров, и журналистов.

Кстати, понимание того, что ставить знак равенства между Комиссаром и «Интерфаксом» просто жизненно опасно, пришло в середине 1990-х годов, когда на нас пошли наезды. Мне было очень интересно, но я вдруг осознал, что если Комиссар будет эквивалентен «Интерфаксу», то это значит, что меня просто завтра убьют, чтобы все забрать. Поэтому даже из инстинкта самосохранения необходимо было создать такую структуру, при которой система должна была работать практически на автомате. Должны были появиться менеджеры – люди, которые способны принимать решения и успешно управлять компанией.

С другой стороны, наш бурный рост уже не позволял заниматься всеми вопросами одному человеку. Масштаб бизнеса, специфичность вопросов, которыми мы занимались, требовали вовлечения в менеджмент большого количества инициативных, талантливых людей, которые обладали знаниями и в тех областях, в которых я был явно слабее их: рейтинговый бизнес, финансовая аналитика, инвестор релэйшенс, кредитное бюро и т.п.

Вообще, я люблю, когда рядом со мной работают люди, лучше меня разбирающиеся в специальных вопросах. Мне нравится общаться с ними, слушать их экспертные заключения о сложных вопросах и видеть, как они формулируют задачи и намечают пути решения.

Думаю, что это самый нормальный подход для создания бизнеса с нуля. Понятно, что всегда нужен кто-то с начальной идеей. Но потом отцы-основатели должны обрастать сподвижниками – людьми, которые будут сами вырабатывать новые идеи. Сегодня «Блумбергом» руководит не Майкл Блумберг – однако все развивается успешно. Рейтер – вообще отдален от своих акционеров. Естественно, я играю активную и, надеюсь, важную роль в жизни компании. Но при этом могу совершенно спокойно уехать куда-нибудь на месяц, заняться разработкой нового проекта, развивать старые, а все компании при этом будут успешно работать. Я стараюсь мотивировать своих коллег на генерирование идей. Самое страшное – когда люди вдруг начинают считать себя стадом, людьми, от которых не ждут творчества. Такая структура неминуемо умирает.

Сегодня Группа «Интерфакс» управляется лучшими специалистами в области информации. Это – Владимир Герасимов, Георгий Гулиа, Ренат Абдуллин, Алексей Горшков, Вячеслав Терехов, Сергей Яковлев, Юрий Погорельный, Роман Лаба, Алексей Мешков, Родион Ромов и многие другие.

Наши менеджеры вырабатывают идеи и сами же их воплощают в жизнь. Все ходят с проектами. По-моему, это признак хорошего здоровья компании. Я очень рад тому, что мне приходится даже тормозить коллег и говорить: подожди, ты забежал далеко вперед. Это гораздо лучше, чем видеть потухшие глаза...

Наши менеджеры
вырабатывают идеи
и сами же их
воплощают в жизнь.
Все ходят с проектами.
По-моему, это признак
хорошего здоровья
компании. Я очень
рад тому, что мне
приходится даже
тормозить коллег
и говорить: подожди,
ты забежал далеко
вперед. Это гораздо
лучше, чем видеть
потухшие глаза...

Не может быть!

О знаменитой заметке «Интерфакса» об отмене 6-й статьи Конституции СССР

Ренат Абдуллин,
Президент Службы
политической
информации
Группы «Интерфакс»

Одна из самых знаменитых новостей «Интерфакса», которая принесла ему всемирную известность (я бы, может быть, назвал ее лучшей новостью «Интерфакса» 1990 года), – это заметка о включении вопроса об отмене 6-й статьи в программу работы предстоящего пленума ЦК

У одного нашего журналиста были друзья в московском закрытом НИИ. Однажды они ему рассказали, что на ближайшем собрании парторганизации этого НИИ будут обсуждаться некие важные тезисы, которые, видимо, готовят в будущем очень интересный поворот событий в стране.

Он пришел на партсобрание, скромно сел в уголке и стал слушать. А там говорят: «Из ЦК поступило предложение обсудить тезисы к предстоящему пленуму, и один из этих тезисов – отмена 6-й статьи Конституции о руководящей и направляющей роли КПСС». То есть фактически о введении многопартийности в СССР. Наш сотрудник все это аккуратно записал, вернулся в редакцию. Он перепроверил через своих друзей, по неофициальным каналам, и еще в паре других парторганизаций нам подтвердили то же самое. Мы – еще до пленума – выдали эту новость, которая произвела эффект разорвавшейся бомбы. Потому что в те годы, как вы понимаете, пока газета «Правда» или ТАСС не напечатает, ничего подобное сообщить было нельзя.

Резонанс был просто оглушительный. У нас была небольшая комната в здании Гостелерадио, на Пятницкой, 25, и всего

несколько телефонных линий. И вот пошли звонки – из США, Великобритании, Японии: «Откуда вы это взяли, точно ли вы уверены в этой информации?» Мы отвечали: «Да, точно, уверены на сто процентов». К тому времени у «Интерфакса» уже сформировался имидж заслуживающего доверия источника информации. Мы всегда уделяли перво-степенное внимание тому, чтобы наша информация была достоверной, и старались без проверки ничего не давать.

Нам потом рассказывал один из руководителей Рейтера, что он сидел в тот день где-то в лондонском пабе и обсуждал предстоящий уикенд. Вдруг раздается звонок – звонит то ли корреспондент, то ли шеф бюро Рейтера в Москве: «Слушай, тут что-то невероятное творится. «Интерфакс» дает новость, что 6-я статья Конституции будет отменена. Что делать?» Первая реакция руководителя: «Не может быть! Этого не может быть никогда!» Потом спрашивает московского коллегу: «Интерфакс» дает, да? А там цитаты есть, фактура?» – «Да, с цитатами, ссылается, что это какой-то внутренний документ ЦК КПСС». И руководитель Рейтера, оценив ситуацию, сказал: «Раздавай!»

Потому что к тому времени руководство московского бюро Рейтера нас знало и доверяло.

Ссылок на эту заметку «Интерфакса» в зарубежных СМИ – агентствах, газетах, на телевидении была масса.

Сейчас кажется, что это совершенно естественно – получить информацию таким способом, как с отменой 6-й статьи. Но тогда было совсем иное время, оно одновременно несло на себе черты уходящего тоталитарного режима и нарож-

дающегося демократического общества. Журналистам нередко приходилось рисковать, используя метод «проб и ошибок», – пройдет? или нет? Риск был серьезным – могло последовать не только увольнение журналиста, не только ликвидация редакции, но и уголовное преследование. А пойти на закрытое партсобрание и дать оттуда информацию – это казалось невероятным. И весьма опасным. Но мы так сделали и выиграли!

Из ЦК поступило предложение обсудить тезисы к предстоящему пленуму, и один из этих тезисов – отмена 6-й статьи Конституции о руководящей и направляющей роли КПСС

ИЗ АРХИВА НОВОСТЕЙ «ИНТЕРФАКСА»

10/03/1990 12:18 НОВОСТИ «ИНТЕРФАКСА» (RealTime, Ru, En)
СОВЕТСКАЯ ХРОНИКА

В проекте повестки дня, розданном участникам открывающегося завтра Пленума ЦК КПСС, предлагается рассмотреть на этом форуме вопрос о новом Уставе партии.

Кроме того, Пленум, как стало известно корреспонденту «ИФ» от его участников, внесет в порядке законодательной инициативы предложение по статье 6 Конституции СССР. В нем будет зафиксировано, что партия не претендует на конституционное закрепление своего особого положения в обществе.

Участники Пленума также считают, что на нем будет рассмотрен и вопрос о кандидатуре на пост президента страны и называют Михаила Горбачева наиболее вероятным кандидатом на этот пост от КПСС. В то же время некоторые участники Пленума не исключают возможности того, что Пленум ЦК КПСС предложит Съезду две кандидатуры на пост президента.

Однако, по мнению «ИФ», такая возможность маловероятна. Ответственный секретарь межрегиональной депутатской группы Аркадий Мурашов высказал предположение, что на открывающемся 12 марта внеочередном съезде народных депутатов СССР «Михаилу Горбачеву удастся осуществить все, что он наметил, хотя ему и придется столкнуться с немалыми трудностями».

Аркадий Мурашов сказал, что крайне сложно будет собрать квалифицированное большинство в 1500 голосов, необходимое для внесения изменений в Конституцию в связи с учреждением поста президента. Как ожидается, в голосовании не примут участия депутатские группы прибалтийских республик и Грузии.

Против обсуждения законопроекта выступает и межрегиональная депутатская группа, полагая, что этот вопрос должен быть предварительно обсужден вновь избранными парламентами союзных республик и увязан с будущим союзным договором и будущей Конституцией.

Что касается выборов президента, то, как было заявлено избирателями на последних выборах, они не уполномочивают нас это делать, подчеркнул депутат. Большинство их выступают за прямые выборы президента путем всенародного голосования.

Аркадий Мурашов предположил, что на работу съезда и его решения может повлиять намеченное Верховным Советом Литвы принятие Декларации о независимости этой республики.

Касаясь рассмотрения съездом вопроса об исключении из Конституции статьи 6, провозглашающей руководящую роль КПСС в обществе, Аркадий Мурашов сказал, что такое рассмотрение этого вопроса возможно. Хотя оно и отсутствует в предложенной Президиумом Верховного Совета повестке дня. Ряд парламентских комиссий и комитетов высказались за то, чтобы рассмотреть его на съезде в одном пакете с законопроектом о президентстве.

СССР собирался перейти к рынку

в конкретный, установленный Политбюро день

Михаил Комиссар,
Председатель
Совета директоров
Группы «Интерфакс»
(фото 1991 года)

Сегодня в это трудно поверить, но советское руководство в девяностом году, понимая бесперспективность экономического развития, сложность экономической ситуации, решило ввести в стране рыночную экономику в некий конкретный день, буквально «с сегодня на завтра». Готовились эти решения тайно, небольшой группой близких к Генсеку экономистов. Причем тайна намерений, ставивших крест на основе основ коммунистической идеологии – плановой экономике, – соблюдалась столь тщательно, что о ней не знали даже ближайшие помощники М.С. Горбачева

Где-то в середине мая 1990 года корреспонденты «Интерфакса», работавшие с экономическими ведомствами правительства, наткнулись на ряд законопроектов и проектов различных постановлений правительства, которые были направлены на обеспечение перехода страны к рыночной экономике. Наши журналисты не только узнали о самом факте подготовки этого, в то время абсолютно судьбоносного и чрезвычайно важного решения, но и смогли достать ряд текстов готовившихся документов. Мы изучили эти материалы и убедились, что имеем дело с реальными намерениями правительства, 22 мая 1990 года раздали сообщение под заголовком «Девять новых законопроектов для перехода к рынку».

И что же после этого началось! Казалось, весь мир сошел с ума. Представьте себе, Советский Союз, который в течение всей своей истории твердил о вредности рынка, противопоставлял ему плановую экономику, боролся с любыми проявлениями хозяйствования, боролся с любыми желаниями своих граждан развивать производительность труда, развивать бизнес, зарабатывать с помощью своей экономической деятельности, – вдруг официально декларирует намерение в кратчайшие сроки (в новости было указано, что законопроекты должны быть представлены в Верховный Совет уже в сентябре) начать переход к рыночной экономике. Это, безусловно, было информационным землетрясением. Нам звонили со всего мира, ведущие средства массовой информации всех стран цитировали наше сообщение.

И тут у меня в небольшом кабинетике в здании Гостелерадио на Пятницкой улице раздался звонок. Я взял трубку, но в течение нескольких минут не мог вставить и слова – такой крик стоял на другом конце провода. В конце концов я понял, что мне позвонил сам всемогущий, как нам тогда казалось, пресс-секретарь М.С. Горбачева Аркадий Африканович Масленников. Смысл его крика сводился к тому, что мы «запустили провокационное сообщение, которое превратно излагает смысл политики

Горбачева и Советского правительства», «мы опубликовали полную и абсолютную дезинформацию, которая не имеет ничего общего с действительностью» и «нам придется нести за это ответственность по всей строгости советских законов».

Через несколько минут мне все же удалось вставить какие-то пояснения, сводившиеся к тому, что мы достаточно уверены в опубликованных нами материалах и что они имеют под собой серьезные основания и это не выдумка наших журналистов.

В ответ Аркадий Африканович запустил новую длинную тираду, смысл которой сводился к тому, что «я сам не понимаю с кем говорю», что «я пытаюсь учить его тому, чему не должен», что «он лучше меня знает, что реально происходит», а когда я в очередной раз стал противоречить ему, он неожиданно сказал: «Ах вы так! Ну что же, приезжайте сюда, я вас жду».

Так я впервые поехал на Старую площадь, где располагалась Администрация президента СССР и находился кабинет Масленникова. Прежде я никогда не был в этих официальных зданиях, и, не скрою, я ехал туда с некоторой робостью, хотя и с интересом. В то же время я был уверен в нашей информации, поскольку мы даже имели ксерокопии этих девяти новых законопроектов. Когда я зашел в кабинет

Советский Союз,
который в течение
всей своей истории
твердил о вредности
рынка, — вдруг
официально
декларирует
намерение
в кратчайшие сроки
начать переход
к рыночной экономике

ИЗ АРХИВА НОВОСТЕЙ «ИНТЕРФАКСА»

21/05/1990 12:18 НОВОСТИ «ИНТЕРФАКСА» (RealTime, Ru, En)

ПОДГОТОВЛЕНЫ ДОКУМЕНТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА О ПЕРЕХОДЕ К РЫНКУ

Правительство СССР подготовило доклад «Об экономическом положении страны и концепции перехода к регулируемой рыночной экономике» для обсуждения его на Верховном Совете СССР, а также проект документа, предназначенного для всенародного обсуждения – «Об основных положениях реформы розничных цен и мерах по социальной защищенности населения».

В докладе правительства отмечается, что экономическая ситуация за истекший период 1990 года, «несмотря на некоторые положительные сдвиги, в целом остается чрезвычайно сложной. Предусмотренная планом на текущий год стабилизация экономики пока не обеспечена. Более того, многие негативные процессы в развитии народного хозяйства даже усилились».

Как показывают отчетные данные, в первом квартале прирост денежных доходов населения составил 13,4 процента, в то время как размер валового национального продукта сократился. Почти треть прироста фонда оплаты труда за первый квартал (свыше 3 миллиардов рублей) приходится на кооперативы по производству товаров и услуг.

Все более усиливающееся отрицательное воздействие на экономику оказывают отсутствие политической стабильности в обществе, забастовки и межнациональные конфликты. Только в январе – апреле нынешнего года «потери рабочего времени, связанные с межнациональными конфликтами и забастовками, составили 9,5 миллиона человеко-дней, в то время как за весь прошлый год по этой причине было потеряно 7 миллионов человеко-дней». В докладе отмечается, что в последнее время возникла новая серьезная проблема – остановка предприятий в связи с ухудшением среды обитания. В прошлом году по экологическим причинам приостановили работу более тысячи крупных предприятий и производств.

Основной замысел стратегии перехода к регулируемому рынку, согласно правительственному докладу, состоит в том, чтобы, сочетая экономические и административные меры, последовательно снижать масштаб прямого государственного контроля над экономикой, расширять сферу рыночных отношений, не допуская в то же время неконтролируемой инфляции, значительного падения производства и резкого снижения уровня жизни народа. В документе определяется этапность перехода к регулируемой рыночной экономике:

(Продолжение на стр. 22)

ИЗ АРХИВА НОВОСТЕЙ «ИНТЕРФАКСА»

21/05/1990 12:18 НОВОСТИ «ИНТЕРФАКСА» (RealTime, Ru, En)

ПОДГОТОВЛЕНЫ ДОКУМЕНТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА О ПЕРЕХОДЕ К РЫНКУ*(Продолжение. Начало на стр. 21)*

«На подготовительном этапе – до конца 1990 года – завершается формирование правовой и нормативной основ рыночной экономики, проводятся необходимые организационные мероприятия. Особое внимание уделяется подготовке к проведению реформы ценообразования и созданию разветвленной системы социальной поддержки населения.

На этапе становления рыночных отношений (1991–1992 годы) создаются главные предпосылки для эффективного функционирования рынка. На этапе становления полноценного рынка на первый план выйдет задача развития конкуренции, демонаполизации народного хозяйства. Чтобы придать ускорение реформе и обеспечить комплектность преобразований хозяйственной системы уже с начала 1991 года осуществляется ряд масштабных взаимоувязанных мер – реформа ценообразования, введение новой налоговой системы, повышение ставок банковского процента и другие.

В результате этих мер должна быть резко улучшена материально-финансовая сбалансированность народного хозяйства снижен по минимуму бюджетный дефицит, укреплена денежная система.

На этапе интенсивного развития рыночных отношений (1993–1995 годы) резко сужается сфера применения административных методов в экономике. Будет расти доля негосударственных форм собственности, создаваться благоприятные условия для конкуренции. Значительно интенсифицируются внешне экономические связи».

В проекте правительства о реформе розничных цен отмечается, что с целью преодолеть искажающее влияние розничных цен на процессы производства и распределения необходимо устранить перекосы в ценах. В документе отмечается, что быстрый переход к новым ценам позволил бы в короткие сроки стабилизировать рынок. Однако при существующей несбалансированности спроса и предложения это чревато тем, что розничные цены и тарифы резко увеличатся. В этом случае может начаться неуправляемая инфляция.

Суть второго варианта – в постепенном переходе к рыночному ценообразованию. При этом на первом этапе 1991 года осуществляется единовременный пересмотр подавляющего большинства государственных розничных цен на отдельные виды продовольственных и непродовольственных товаров. Этот вариант правительство СССР считает наиболее приемлемым.

Окончательный вариант осуществления реформы ценообразования может быть принят лишь после всенародного обсуждения.

В варианте, которому правительство отдает предпочтение, на первом этапе реформы предполагается привести розничные цены в соответствие с реальными условиями производства. Уровень цен на продовольственные товары увеличивается в среднем в 2,1 раза, в том числе на мясные продукты – в 2,3, рыбные продукты – в 2,5 раза, молочные – в 2,0, хлебопродукты – в 3,0, сахар – в 1,8, растительное масло – в 1,7 раза. На непродовольственные товары предполагается повысить цены от 20% на меховые изделия до 50% на товары из льна и шелка. При этом предполагается увеличение цен на обувь – на 35%. Кроме того, предполагается также повысить тарифы на бытовые и коммунальные услуги (кроме квартплаты) на 70%, на пассажирские перевозки железнодорожным и авиационным транспортом – на 50%, на электроэнергию для кухонных плит – на 100%, на газ – на 40%.

Одновременно предусматриваются способы защиты населения. В частности, наряду с введением новых цен будут производиться компенсационные выплаты – их размеры могут быть дополнены выплатами: за счет средств республик, местных Советов, а также предприятий и организаций. Размер выплат работающему населению предполагается увязать с размерами заработной платы, установив фиксированный процент компенсации. Размер компенсации было бы целесообразно установить на уровне 15% к заработной плате, отмечается в документе. При этом нижний предел гарантированной выплаты должен быть не менее 40 рублей в месяц. Целесообразно рассмотреть вопрос, считает правительство, об установлении верхнего предела. Предполагается также размер компенсации на детей – до 5-летнего возраста – 30 рублей, с 6 до 12 – 35 и до 17 лет – 39 рублей. Предполагается также ввести целевую компенсацию в связи с удорожанием детского ассортимента.

Масленникова, то выдержал довольно длинные, яростные тирады пресс-секретаря М.Горбачева. В конце концов, он спросил меня: «Все ли Вы поняли и готовы ли опуб- ликовать опровержение?» Я опять упрямо замотал головой и стал говорить ему, что уверен в достоверности нашей информации. Аркадий Африканович просто задохнулся от гнева, лицо его стало багровым и тогда он сказал: «Так! Вы не вери- те мне? Тогда, надеюсь, вы поверите главному помощнику по экономике Михаила Сергеевича».

При мне он набрал на внутреннем телефоне номер академика Николая Яковлеви- ча Петракова. Я услышал по громкой связи как на том конце провода некий голос ответил Масленникову: «Я вас слушаю». Аркадий Африканович сообщил Николаю Яковлевичу, что в его кабинете находится руководитель «Интерфакса» Михаил Ко- миссар (я был уверен, что в то время Петраков обо мне не знал, но он свое незна- ние никак не выказал) и он упорствует в своих «бредовых измышлениях о том, что СССР собирается переходить к рынку». «Вы представляете, Николай Яковлевич, – ехидно говорил в трубку Масленников, – какую чушь выдумали? Пишут, что прави- тельство якобы приготовило девять законопроектов, которые регламентируют раз- личные аспекты перевода экономики СССР на рыночные условия». И тут произош- ло то, что я запомнил на всю свою жизнь. Голос на том конце провода совершенно спокойно поправил Масленникова: «Не девять, документов будет существенно боль- ше». И мощная мембрана «вертушки» разнесла по комнате сигналы отбоя.

Аркадий Африканович, бледный, буквально с открытым ртом застыл с трубкой в руке и так и стоял, пока я, не желая его еще больше смущать, пятась тихо не вы- шел из кабинета.

Так, в мае 1990 года из сообщения «Интерфакса» мир узнал о том, что СССР планирует перейти к рынку.

Мы были поражены тем, что даже люди из ближайшего окружения Горбачева не знали о краеугольных, ключевых, магистральных направлениях развития страны, – все делалось тайно, в кабинетах, отдельными инициативниками, которые больше всего боялись пасть жертвой обвинений в предательстве идеалов со стороны своих же «идеологически правильных» коллег.

Мы были поражены тем, что даже люди из ближайшего окружения Горбачева не знали о краеугольных, ключевых, магистральных направлениях развития страны, – все делалось тайно, в кабинетах, отдельными инициативниками, которые больше всего боялись пасть жертвой обвинений в предательстве идеалов со стороны своих же «идеологически правильных» коллег

Первые экономические издания «Интерфакса»

«Во были времена!»

или за 500 дней к рыночной экономике

Андрей Мартынов,
бывший заместитель
Генерального директора
агентства «Интерфакс»

О том, как «Интерфакс» создавал первые в СССР экономические новости и о интерфаксовской заметке о планах перехода к рыночной экономике, рассказывает бывший заместитель Генерального директора информационного агентства «Интерфакс» Андрей Мартынов

Летом 1990 года мы начали выпускать Soviet Business Report – такое еженедельное издание, в которое с трудом набиралось несколько сообщений про развитие бизнеса в СССР. В основном там были новости о работе законодателей. Изложение новых указов, постановлений и законов, которые пожилые академики, молодые экономисты и разнообразные депутаты разрабатывали в попытках реформировать народное хозяйство.

Еще попадалась информация о приезде в страну представителей больших зарубежных компаний.

Мне нравилось придумывать заголовки в стилистике западных агентств и газет. Что-то вроде: «Sony объявляет о создании очередного совместного предприятия в СССР», «Chevron подписывает многомиллиардный нефтяной контракт в Казахстане», «Горбачев обещает французскому бизнесу налоговые льготы». Названия компаний и имена заморских бизнесменов обязательно надо было писать в латинской транскрипции как для наших переводчиков, так и потому, что так все выглядело гораздо солиднее.

Иногда новостей для Soviet Business Report не было вовсе, вернее, они бы-

ли какие-то мелкие и не интересные ни мне, ни нашим подписчикам. Но постепенно дело налаживалось.

Все только начиналось и было очень интересно, волнительно как-то. И вообще, считаю, «Интерфакс» явился для меня подарком судьбы. Той «случайностью», которая произошла совершенно неожиданно и абсолютно вовремя (гораздо позже одна гениальная художница объясняла мне, что слова «случайно» и «получать» имеют внутри себя важный и красивый корень «луч»: «по-лучу»).

На иновещании Гостелерадио СССР, где работали почти все, кто был причастен к созданию агентства, было тоже по-своему интересно. Можно было писать и выдавать в эфир почти все, что приходило в голову! Так, руководство, например, моего отдела (вещание на Скандинавию и Финляндию) сделалось почти либеральным, и мои «круглые столы», «молодежные клубы» и передачи по письмам слушателей визировали и цензурировали мои старшие товарищи. Старше эти товарищи были меня всего на несколько лет. Это были Александр Любимов (датская редакция, а впоследствии руководитель программы «Взгляд»; зампред ВГТРК), Олег Вакуловский

(шведская редакция, потом тоже «Взгляд», потом обозреватель ТВЦ, писатель, режиссер... Много еще мог бы сделать! Эх...), Дмитрий Киселев (норвежская редакция, теперь – политобозреватель РТР). Вот они-то и были моими первыми настоящими учителями в ежедневной практической журналистике.

В «Интерфаксе» же, куда меня звал сам отец-основатель агентства Михаил Комиссар, я и вовсе сделался сам себе начальник в 26 лет. Мне было доверено создавать экономический отдел. («Во были времена!», – как сказал бы герой Сухорукова (фильм «Брат-2»), поглаживая ствол пулемета «Максим» времен Гражданской войны).

В то время с «Интерфаксом» стали сотрудничать молодые – им тогда было лет по 30, ну чуть больше, – специалисты из ИМЭМО – знаменитого института, который тогда возглавлял академик Станислав Шаталин, совет-

ник Горбачева по экономике. Они там писали всякие программы и проектировали реформы. Еще были люди из института Леонида Абалкина, от Абела Аганбегяна тоже приходили. Эти специалисты приносили разные папки с малопонятными для меня текстами, графиками и схемами, объясняли, что все это означает. Они обучали меня экономическим хитростям и фокусам.

Я чистый гуманитарий – окончил журфак МГУ, то есть для математиков и экономистов был «никто»: «А чему же тебя там учили?!» – спрашивали они обычно. Я краснел и старался поскорее сменить тему.

Сергей Комлев был одним из ИМЭМО. Вот он-то и дал мне пачку бумаг, которая называлась, кажется, «Пути выхода из кризиса. 400 дней». Я ее быстро прочитал и почти все понял! В этой работе речь шла о последовательности шагов по перестройке советской экономики: приватиза-

Всякий раз я проникался реформаторскими идеями, но никак не мог добиться от своего источника главного на тот момент понимания: а как относятся ко всем этим «дням» Горбачев и Ельцин

ИЗ АРХИВА НОВОСТЕЙ «ИНТЕРФАКСА»

01/08/1990 12:18 НОВОСТИ «ИНТЕРФАКСА» (RealTime, Ru, En)

ГОРБАЧЕВ И ЕЛЬЦИН ДОГОВОРИЛИСЬ О СОЗДАНИИ СОВМЕСТНОЙ ГРУППЫ ЭКСПЕРТОВ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЕ

Президент СССР Михаил Горбачев и Председатель Верховного Совета Российской Федерации Борис Ельцин договорились о создании экспертной группы профессиональных ученых и специалистов с широким участием представителей союзных республик, которым поручается разработать концепцию перехода к рыночной экономике в масштабах Советского Союза не позднее сентября, когда должны открыться сессии парламентов как СССР, так и РСФСР.

Группа, состав которой известен пока не полностью, будет опираться в первую очередь на Российскую программу «500 дней» с учетом предложений республик, а также опыта союзного правительства.

В группу, деятельность которой будет контролироваться непосредственно М.Горбачевым и Б.Ельциным, уже вошли, в частности, экономический советник Президента СССР Н.Петраков, член Президентского Совета академик С.Шаталин, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Г.Явлинский, являющийся автором программы «500 дней», министр финансов России Б.Федоров.

Как сообщили «ИФ» в Совете Министров РСФСР, вопрос о направлении полномочных представителей союзных республик для участия в работе группы, будет решаться на уровне республиканских правительств.

Именно Явлинский курировал экономическую реформу. В его кабинете в Белом доме – тогдашнем здании российского правительства – мне была «торжественно вручена» еще более толстая пачка бумаг, которая называлась уже «500 дней»

ции, банковской, пенсионной реформам и прочим. Итог – переход к рынку.

В коридоре, куда С.Комлев всегда просил меня выходить для разъяснения сути проблем, я начинал понимать, что это дело государственной важности и что именно «Интерфаксу» суждено донести до мировой общественности революционную суть предлагаемого. Всякий раз я проникался реформаторскими идеями, но никак не мог добиться от своего источника главного на тот момент понимания: а как относятся ко всем этим «дням» Горбачев и Ельцин. И не останутся ли все эти замыслы лишь одним из многих бумажных проектов.

«Интерфакс» мог оповестить своих подписчиков об этом плане только в том случае, если они имеют отношение к реальной политике страны и ее руководства, считали мы в новорожденном агентстве.

Шли дни...

И вот как-то меня пригласили в кабинет Григория Явлинского, который был тогда вице-премьером в правительстве РСФСР Ивана Силаева. Именно Явлинский курировал экономическую реформу. В его кабинете в Белом доме – тогдашнем здании российского правительства – мне была «торжественно вручена» еще более

Г.Явлинский, автор программы «500 дней», на пресс-конференции в центральном офисе «Интерфакса», июнь, 2005 год

толстая пачка бумаг, которая называлась уже «500 дней».

Хорошо помню: именно что «торжественно».

Явлинский все подробно мне разъяснил про план длиной в 500 дней и, кажется, остался доволен моей сообразительностью. Я ведь благодаря С.Комлеву уже «был в материале». Все это время за мной внимательно наблюдал Сергей Зверев, который тогда был помощником Григория Алексеевича. Он сидел в углу кабинета, Явлинский – за своим большущим столом, а я – перед ним. Сергей Комлев, который и привел меня к вице-премьеру, прохаживался вокруг: смотрел в окно (прекрасный вид на гостиницу «Украина», реку Москву, Кутузовский проспект!), на меня, Зверева и Явлинского. Молчал.

Наконец, после паузы, когда все помолчали, уже не глядя друг на друга, Григорий Явлинский встал:

– Эта программа Ельциным одобрена. «Интерфакс» может ее раздавать. Хочет ли ваше агентство быть первым?

– Разумеется! Я сделаю новость и отправлю вам по факсу для визы. Ну чтобы ошибок и неточностей не было.

Явлинский посмотрел на Зверева. Последний кивнул и на своей визитке написал номер факса, зачеркнув тот, что был там напечатан.

– Ну а хорошо бы, чтобы до выхода сообщения на нашей ленте другие СМИ об этом... ну что Ельцин одобрил, – запнулся я, – не узнали.

Комлев было хихикнул, но Григорий Явлинский строго пожал мне руку и, глядя в глаза, сказал: «Договорились!» Зверев подмигнул мне и вручил свою исправленную визитку.

Я ехал в метро обратно в «Интерфакс», внимательно и крепко

держа в руках портфель с судьбоносным текстом и прикидывая в уме варианты начала и структуры новости. «Ельцин планирует радикальную экономическую реформу». Под таким заголовком эта новость и вышла на следующий день в «Интерфаксе». Это, кажется, была суббота. В ту же субботу и завтра – в воскресенье – новость раздавали все агентства мира.

А в понедельник наше агентство в очередной раз проснулось знаменитым (до и после этого так случалось не раз). Все ведущие газеты мира вышли с этой новостью: Wall Street Journal, Financial Times, позже – журнал Economist. И вообще – все!

Нам звонили многие журналисты, уточняли: «А правда ли, что Ельцин одобрил?», «А что думает Горбачев?», «Кто, кроме Явлинского?»

Советское ТВ и радио молчали, и к понедельнику мне становится как-то не по себе: кто его знает?! А вдруг Борис Николаевич не в курсе? Чего это наши-то молчат?! При этом я видел ссылки на нашу новость про программу «500 дней» на лентах мировых агентств: в здании Гостелерадио СССР, где «Интерфакс» все еще размещался, были телетайпные терминалы. Но к концу дня в понедельник отечественные СМИ тоже подхватили эту новость.

А я даже – впервые в жизни – давал интервью своим коллегам-журналистам из других стран. Ведь мало кто мог дозвониться до Явлинского. Того одолевали десятки репортеров, а он, говорят, держал ответ перед Ельциным. Это я потом узнал. А меня, как автора заметки, спрашивали, например: «Верите ли вы в осуществимость предложенных реформ?», «Что скажет Горбачев?» Вот какие вопросы мне задавали! Вот такие были времена!

Я ехал в метро
обратно в «Интерфакс»,
внимательно и крепко
держал в руках портфель
с судьбоносным текстом
и прикидывая в уме
варианты начала
и структуры новости

Последний день Советского Союза

ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

Вячеслав Терехов,
Первый заместитель
Генерального директора
информационного агентства
«Интерфакс»

Декабрь 1991 года войдет в историю как дата прекращения более чем 70-летнего существования одной из крупнейших держав мира – СССР. «СССР больше нет», – эта фраза, мгновенно облетевшая мир, была передана корреспондентами «Интерфакса» из Алма-Аты на 23 минуты раньше всех информационных агентств

Пасмурный декабрьский день. В столице Казахстана Алма-Ате в Доме дружбы (какой парадокс!) собрались главы 11 советских республик, чтобы решить судьбу пока еще общей своей страны – СССР. Гамлетовский вопрос «быть или не быть?» в зале заседания звучал особенно актуально. Журналистов там не было. Они ждали «приговора» в пресс-центре, расположенном в другом доме.

Мы с моим коллегой по «Интерфаксу» Борисом Гриценко прибыли в Алма-Ату заранее. Воспользовавшись хорошими деловыми, я бы сказал даже теплыми и доверительными, отношениями с президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, нам удалось 10 минут поговорить с ним с глазу на глаз. Его условие было одно – это не интервью, это разговор для нашего понимания ситуации.

Во время беседы мы узнали: будет обсуждаться вопрос о присоединении к Соглашению о создании Содружества независимых государств, подписанному двумя неделями раньше в Беловежской пуще Россией, Белоруссией и Украиной.

Мы сперва не поняли: СССР станет называться СНГ? А кто президент, кто вице-президент, кто премьер-министр?

Отступая немного, хочу пояснить: после провала августовского путча вопрос о вице-президенте и главе правительства поднимался на различных заседаниях руководства СССР и республик. Я знал о кандидатах на эти посты. Мне казалось, что самое реальное для сохранения страны и приостановки «разбегания» республик – поручить возглавить правительство Н.Назарбаеву (в журналистских кругах обсуждалось и такое предложение: Горбачев – президент, Назарбаев – вице-президент, Казимира Прунскене – премьер-министр).

Основываясь на этих слухах, я и задавал вопросы о кадровом составе. Н.Назарбаев немного помолчал. Потом ответил: «Ничего из этих предложений обсуждаться не будет». Еще молчание и... «Ничего, понимаешь? Ничего. Не пытай, не могу сказать, но мы на пороге... – он подумал и сказал, – события!..»

Как мне кажется, при этом он подыскивал прилагательное к слову «событие». Но не нашел. Правда, помимо этого он рассказал, что президент СССР М.Горбачев действительно после путча предлагал ему пост вице-президента, однако Н.Назарбаев согла-

шался только на соединение постов вице-президента и премьер-министра. М.Горбачев был против. Как пояснил потом в одном из разговоров Н.Назарбаев, «я не мог принять его предложение, так как в результате оказался бы просто «на побегушках», а ни стране, ни моей республике, ни мне этого не надо было».

Итак, Алма-Ата, 21 декабря 1991 года. Выходя после разговора с президентом, мы все поняли. Решили, когда придем в пресс-центр, то заранее оплатим длительный телефонный разговор с Москвой. В холле пресс-центра стояли всего две телефонные будки, и, чтобы позвонить, надо было вначале за одним из столов оплатить разговор. Только получив квитанции, ты мог войти в будку и тебя соединяли с требуемым номером.

После первого заседания 11 глав республик к прессе приехал пресс-секретарь президента Казахстана, и по его

виду мы поняли, за что проголосовали республиканские лидеры.

Вот как описывает тот момент в своей книге «Посторонний в Кремле» Борис Грищенко: «Легко представить, что произошло в холле бывшего здания ЦК компартии Казахстана (там был наш пресс-центр). Когда Серик Матаев (пресс-секретарь Н.Назарбаева. – «ИФ») сообщил журналистам, что республики выходят из состава СССР и присоединяются к СНГ, разноязыкая орда журналистов ломанулась к столам, где надо было оплачивать телефонный разговор, и соответственно к двум кабинам, которые олицетворяли тогда всю связь Алма-Аты с остальным миром.

Девушка за стойкой тщетно пыталась выстроить журналистов в некое подобие очереди, а тем временем мы уже влетели в обе будки. Слава орал в трубку, с трудом перекрывая рев толпы, чтобы услышала стенографистка: «СССР больше нет».

«СССР больше нет», — эта фраза, мгновенно облетевшая мир, была передана корреспондентами «Интерфакса» из Алма-Аты на 23 минуты раньше всех информационных агентств

ИЗ КНИГИ «КРЕМЛЕВСКАЯ ХРОНИКА», издательство «ЭКСМО», Москва, 1994 г., с.416

Автор: А.С. Грачев, кандидат исторических наук, писатель, советник и последний пресс-секретарь президента СССР М.С. Горбачева

«...Наступила суббота 21 декабря. Из-за разницы во времени с Алма-Атой к моменту, когда я приехал на работу, встреча лидеров 11 республик приближалась к своей кульминации. В полдень она наступила. Информационное агентство «Интерфакс» первым распространило историческое сообщение:

СССР ПРЕКРАТИЛ СУЩЕСТВОВАНИЕ

...21 декабря в полдень по московскому времени за закрытыми дверями руководители 11 суверенных государств на встрече в Алма-Ате достигли договоренности о прекращении существования СССР.

Сообщено также, что к соглашению об образовании Содружества Независимых Государств, которое подписали Россия, Украина и Беларусь, присоединились на правах учредителей еще 8 республик бывшего Союза, в том числе и Молдова. Таким образом, в Содружество вошли все республики, кроме Грузии и государств Балтии.

Корреспондентам «Интерфакса» стало известно, что вопрос о присоединении Грузии остался пока открытым, так как находящиеся в Алма-Ате представители не обладают достаточно высокими полномочиями.

Ожидается, что в течение ближайших двух часов будут подписаны протокол о согласии глав независимых государств, а также алма-атинская Декларация глав одиннадцати государств...»

Девушка за стойкой
тщетно пыталась
выстроить журналистов
в некое подобие
очереди, а тем
временем мы уже
влетели в обе будки.
Слава орал
в трубку, с трудом
перекрывая рев
толпы, чтобы услышала
стенографистка:
«СССР больше нет»

В.Терехов и президент СССР М.Горбачев

В это время Борис делал вид, будто в соседней кабине оборван провод. Дальше опять по его книге: «Моя спина (Бориса. – «ИФ») гудела от толчков и ударов, пиджак был разорван, рукав болтался на нитках, но мы были счастливы: эпохальную новость «Интерфакс» передал на 23 минуты раньше конкурентов. Дело в том, что после передачи полного текста подписанного заявления мой коллега еще намеренно

долго беседовал с Москвой. В тот вечер многие коллеги хотели нас побить».

...И только когда мы шли в гостиницу, упоенные своей победой, до меня вдруг дошел смысл переданного, и мурашки пошли по спине. «Боря, ты понимаешь, что мы сейчас сделали? Мы с упоением похоронили нашу Родину, в которой прожили десятки лет. И уже сейчас мы живем в другой стране. А той, нашей, больше нет».

ИЗ АРХИВА НОВОСТЕЙ «ИНТЕРФАКСА»

21/12/1991 15:00 НОВОСТИ «ИНТЕРФАКСА» (RealTime, Ru, En)

М.ГОРБАЧЕВА УВЕДОМЛЯЮТ О ПРЕКРАЩЕНИИ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В СССР

Лидеры 11 суверенных республик, образовавших Содружество независимых государств, приняли обращение к президенту СССР Михаилу Горбачеву, в котором уведомляют его о прекращении существования Советского Союза и института президентства СССР. В обращении главы независимых государств благодарят М.Горбачева за его большой положительный вклад.

1. В.Терехов на брифинге
2. Б.Грищенко (второй справа) с первым президентом России Б.Ельциным
3. Б.Грищенко с первым президентом России Б.Ельциным и его супругой Наиной на избирательном участке в Москве

ИЗ АРХИВА НОВОСТЕЙ «ИНТЕРФАКСА»

21/12/1991 15:00 НОВОСТИ «ИНТЕРФАКСА» (RealTime, Ru, En)

ЕЛЬЦИН ОБЪЯВЛЯЕТ В АЛМА-АТЕ, ЧТО ГОРБАЧЕВ В ДЕКАБРЕ УХОДИТ В ОТСТАВКУ

Президент РСФСР Борис Ельцин назвал главным, что переход от СССР к Содружеству проходит мирно, без крови. В заявлении по прибытии в столицу Казахстана он подчеркнул, что в новом Содружестве каждое государство будет независимым. «Вместе с тем, – отметил Б.Ельцин, – они скоординированно будут решать общие вопросы, особенно что касается единых вооруженных стратегических сил и единого управления ядерным оружием, что особенно беспокоит мировое сообщество».

«Мы с уважением относимся к Михаилу Горбачеву, – добавил президент РСФСР, – и хотим, чтобы он аккуратно ушел в отставку в декабре месяце, как он того сам хочет».

«За все 70 лет ни один вождь нашего государства не уходил мирным путем: или перекапывали после него могилу или обязательно объявляли его преступником», – заявил Б.Ельцин. «Мы хотим, чтобы президент страны, который, несмотря на допущенные ошибки, немало сделал и хорошего, ушел с достоинством», – подчеркнул президент РСФСР.

В субботу руководители глав суверенных государств обсудят те почести и материальные льготы, «которые, как отметил Б.Ельцин, Горбачеву полагаются при выходе на пенсию». По мнению Б.Ельцина, «этот факт будет хорошо воспринят мировым сообществом, как свидетельство цивилизованности нашего Содружества...»

В пятницу в Брюсселе, сказал далее Б.Ельцин, были подтверждены размеры помощи, выделяемой Западом для СССР, однако, учитывая, что вместо СССР создается СНГ, решено распределить эту помощь среди республик...

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА В.ТЕРЕХОВА
ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА Б.ГРИЩЕНКО

Октябрь 1993 года: как корреспондент «Интерфакса» выступал в роли миротворца

Из воспоминаний
Михаила Комиссара,
Председателя
Совета директоров
Группы «Интерфакс»,
и Вячеслава Терехова,
Первого заместителя
Генерального директора
информационного агентства
«Интерфакс»

В.Терехов: Начало октября 1993 года. Москва. Россия на пороге гражданской войны. Противостояние между президентом Борисом Ельциным и руководством Верховного Совета во главе со спикером Русланом Хасбулатовым и тогдашним вице-президентом страны Александром Руцким, провозгласившим себя президентом РФ, достигло апогея. Б.Ельцин подписал указ о роспуске парламента. Белый дом, где тогда располагался Верховный Совет, с этим не согласился. Как говорится, нашла коса на камень.

Вечером 2 октября я вернулся из отпуска и сразу с аэродрома заскочил в офис. М.Комиссар меня встретил мрачно. Улицы Москвы заполняли отряды вооруженных боевиков, подчинявшихся Руцкому – Хасбулатову. Власть куда-то исчезла. Кремль, военные, милиция на звонки не отвечали. Было ощущение, что город захватывает какая-то темная и дикая сила.

М.Комиссар: Мы были уверены, что в Белом доме более безопасно, чем на улицах. Город казался захваченным, и мы не могли представить себе, что Ельцин может отдать приказ о штурме. Мы полагали, что гораздо опаснее оставаться в офисе «Интерфакса», который, очевидно, становился одной из целей для заполонивших улицы Москвы боевиков.

Я и другие руководители «Интерфакса» находились в офисе постоянно, здесь же спали. Водители героически снабжали нас бутербродами, где-то собирая еду.

Провожая Славу Терехова в Белый дом, я дал ему какие-то документы, письма жене, детям, так как был уверен, что он там в безопасности, а вот что с нами будет, не знал никто. Настроение было паршивей некуда.

В.Терехов: Попрощался с Мишей, как будто виделись в последний раз. С тяжелым сердцем стал добираться до Белого дома, и хотя он был окружен кольцом непонятно кого – то ли сторонников, то ли противников Руцкого – Хасбулатова, – но, зная боковые проходы, без труда прошел внутрь и присоединился к бригаде корреспондентов «Интерфакса».

М.Комиссар: Мне позвонил один из руководителей ТАССа, шепотом сообщил, что ТАСС захвачен, В.Игнатенко арестован. Попросил связаться с В.Черномырдиным и передать, что им нужна помощь. Я позвонил помощнику Черномырдина. Он выматерился – они об этом не знали – и побежал к премьеру. Вскоре боевиков выбили из ТАССа.

Потом мне позвонил руководитель РИА Володя Марков: «Миша, «они» были у меня, сказали, что двинулись к тебе».

Я приказал запереть все входные двери, потушить свет (уже была ночь), задернуть шторы и не подавать виду, что внутри здания кто-то есть. Когда через какое-то время стальная дверь стала сотрясаться от ударов, мы затаились, как в подводной лодке при атаке. При этом бесшумно кликали по клавишам компьютеров в темноте зашторенных комнат, шепотом звонили, получали информацию, рассылали сообщения. Эту фантазмагорическую картину бесшумной работы в темноте со склоненными над экранами силуэтами друзей не забуду, наверно, никогда.

В.Терехов: В ночь с 3 на 4 октября мы с коллегами расположились на столах буфета. Со связью становилось все хуже и хуже, так как телефоны и электричество были отключены, и подзаряжать мобильный телефон становилось все сложнее. А новости были, их надо было передавать. Но как? Это сейчас у каждого есть мобильник, а тогда... Кто-то сказал, что телефон работает только в приемной у Хасбулатова. Я отправился туда, благо охрана знала меня в лицо.

Иду по коридору. Неожиданно встречаю Хасбулатова. Поздоровавшись он попросил передать по линии агентства его обращение, в котором говорилось:

Улицы Москвы
заполняли отряды
вооруженных боевиков,
подчинявшихся
Руцкому – Хасбулатову.
Власть куда-то исчезла.
Кремль, военные,
милиция на звонки
не отвечали. Было
ощущение, что город
захватывает какая-то
темная и дикая сила

ИЗ АРХИВА НОВОСТЕЙ «ИНТЕРФАКСА»

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ: 4 октября 1993 года в связи с чрезвычайной ситуацией в Москве «Интерфакс» продолжает работать только в режиме экспресс-выпусков

4 октября 1993 года, понедельник
ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК №19

РУЦКОЙ ПРОСИТ «ИНТЕРФАКС» ПОМОЧЬ ОРГАНИЗОВАТЬ ПЕРЕГОВОРЫ С ЕЛЬЦИНЫМ. В ОТВЕТ ПРЕМЬЕР РФ ТРЕБУЕТ ОТ БЕЛОГО ДОМА ПРЕКРАЩЕНИЯ ОГНЯ И СДАЧИ

В 9.25 в понедельник находящийся в Белом доме Александр Руцкой обратился с просьбой к корреспонденту «Интерфакса» связаться с президентом Борисом Ельциным и объявить о том, что он готов пойти на переговоры.

Предложение А.Руцкого было передано В.Черномырдину. Премьер попросил «ИФ» передать А.Руцкому, что огонь будет прекращен только после того, как будет сдано все оружие, прекращена стрельба со стороны Белого дома и обороняющие его выйдут из здания с белым флагом.

СНАРЯД ПОПАЛ В КАБИНЕТ ХАСБУЛАТОВА НА 5-М ЭТАЖЕ БЕЛОГО ДОМА

По свидетельству нашего корреспондента, снаряд правительственных сил попал в кабинет председателя Верховного Совета на 5-м этаже Белого дома. В результате ранены двое сотрудников охраны. Сам Руслан Хасбулатов и А.Руцкой не пострадали.

ВОКРУГ БЕЛОГО ДОМА КОНЦЕНТРИРУЕТСЯ БРОНТЕХНИКА

Колонна из 8 танков сконцентрирована на противоположной стороне Москвы-реки напротив Белого дома, сообщает корреспондент «Интерфакса» из здания бывшего парламента. Дула тяжелой бронетехники направлены в сторону Дома Советов. Кроме того, несколько танков видны на мосту через реку.

На набережной в непосредственной близости от здания бывшего парламента сосредоточены 11 БТРов. Продолжается обстрел здания Белого дома. Прицельный огонь ведется по 5-му этажу здания, на котором находится руководство Дома Советов.

Мы были уверены, что в Белом доме более безопасно, чем на улицах. Город казался захваченным, и мы не могли представить себе, что Ельцин может отдать приказ о штурме

«Нас не надо бояться. Мы законники и будем твердо придерживаться буквы и духа закона». Я хотел было пополизировать с ним на эту тему, но не стал, а лишь заметил, что я бы, конечно, с удовольствием передал это обращение, но у меня нет связи. «Пойдем со мной. У меня в приемной стоит радиотелефон, который питается от движка», – ответил Хасбулатов. И он провел меня к себе. Это была удача, так как аппарат там действительно работал.

...Утро 4 октября. Танки открыли огонь. Начался штурм. Внутри Белого дома все заволочено дымом, всюду крики, выстрелы! В кабинет Хасбулатова, где я сидел в углу, вошел офицер с докладом: «Товарищ председатель Верховного Совета! Личный состав Кантемировской и Таманской дивизий вопреки приказу Ельцина не вышел из казарм для штурма Белого дома».

Р.Хасбулатов прервал доклад и с побледневшим лицом, обращаясь к своим «министрам» и Руцкому, спросил: «Меня мало волнует, что дивизии не подчинились Ельцину. Меня больше волнует, почему они не вышли из казарм на нашу защиту? Где вертолеты и самолеты, которые вы обещали? По вашим словам, они должны были уже быть здесь, демонстрируя защиту Верховного Совета». Ответом ему было молчание.

Хасбулатов посмотрел на меня и спросил, есть ли связь с «Интерфаксом»? Я кивнул. Тогда он попросил передать сообщение о том, что руководство Верховного Совета, «стремясь избежать ненужного кровопролития, готово на переговоры». Танковый обстрел здания продолжался, и слышно было, как снаряды разрывались то слева от кабинета Хасбулатова, то справа. Обстановка была адской: взрывы, огонь, удушливый дым проникал в горло, слезил глаза.

ИЗ АРХИВА НОВОСТЕЙ «ИНТЕРФАКСА»

4 октября 1993 года, понедельник
ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК №23

НАД ЗДАНИЕМ ПАРЛАМЕНТА ВЫБРОШЕН БЕЛЫЙ ФЛАГ. ЧЕРНОМЫРДИН ПРЕДЛАГАЕТ РУЦКОМУ НАЙТИ ПОДЪЕЗД, ЧЕРЕЗ КОТОРЫЙ ЗАЩИТНИКИ ЗДАНИЯ МОГЛИ ВЫЙТИ ИЗ НЕГО

Белый флаг выброшен на крыше здания российского парламента.

На первом и втором этажах Белого дома в районе 20-го подъезда находятся ворвавшиеся десантники правительственных сил, поэтому правительство попросило «Интерфакс» передать Александру Руцкому предложение найти другой подъезд, через который защитники здания могли бы покинуть его.

4 октября 1993 года, понедельник
ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК №24

ПРЕМЬЕР РФ ТРЕБУЕТ ОТ ЗАЩИТНИКОВ БЕЛОГО ДОМА ПОЛНОЙ И БЕЗОГОВОРЧНОЙ КАПИТУЛЯЦИИ

Премьер России Виктор Черномырдин через «Интерфакс» передал требование к находящимся в Белом доме о полной и безоговорочной капитуляции. Они должны оставить оружие в здании. «Никто с оружием не выходит», – подчеркнул премьер. Всем, кто выйдет без оружия, В.Черномырдин гарантирует жизнь.

М.Комиссар с В.Костиковым, пресс-секретарем президента РФ Б.Ельцина, 1994 год

Между тем на другом конце телефонного провода в постоянном контакте со мной был Михаил Комиссар. Он как-то установил контакт непосредственно с премьером Виктором Черномырдиным.

«Миша, они готовы к переговорам. Скажи Черномырдину», – кричал я ему через гром взрывов.

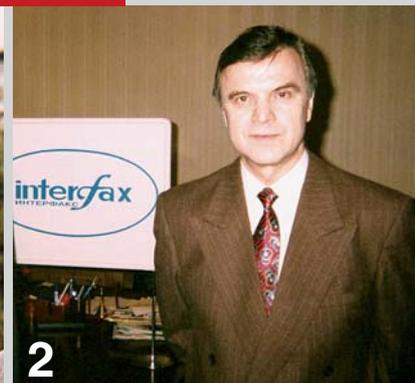
М.Комиссар: Слава просто хрипел в трубку: «Скажи «им» пусть перестанут стрелять. Хасбулатов готов на переговоры. Мы все здесь погибнем, если это не прекратится».

Я понял: слышу Славу, возможно, в последний раз. В отчаянии, с трудом прозвонился пресс-секретарю Ельцина Вячеславу Костикову. «Ничем помочь не могу. Раньше им надо было думать», – отстраненно и холодно ответил он. «Но там же Слава!» – кричал я в трубку, понимая, что слышу приговор Терехову. «Ничего не могу сделать», – каким-то страшным, никогда этого не забуду, мертвым голосом ответил Костиков. Теперь, много лет спустя, понимаю его: сделать он ничего не мог, а будучи хорошим, добрым и интеллигентным человеком, к тому же близко знавшим Терехова, наверняка страдал от жутких слов, которые вынужден был произносить.

И тут я вспомнил, как эффективно сработал канал связи с В.Черномырдиным, благодаря которому мы быстро выручили коллег из захваченного ТАССа.

Телефоны и электричество были отключены, и подзаряжать мобильный телефон становилось все сложнее. А новости были, их надо было передавать. Но как?

1. В.Терехов с первым президентом РФ Б. Ельциным
2. Экс-председатель Верховного Совета РФ Р.Хасбулатов
3. В.Терехов с бывшим вице-президентом РФ А.Руцким

Я передал белодомовским лидерам новое предложение премьера. Подошел Руцкой и попросил сообщить через «Интерфакс», что он и руководство Белого дома готовы выйти

Я позвонил помощнику премьера Валентину Сергееву. Тот поговорил с Черномырдиным и перезвонил: «Скажи им – говорить с ними не будем. Пусть сдаются или всех уложим».

Я позвонил В.Терехову, передал премьерский вердикт. Вскоре он отзвонил и сказал, что белодомовцы готовы выйти, но по зданию со всех сторон идет шквальный огонь. Сказал, что Хасбулатов и Руцкой просят указать тот подъезд здания, где они могли бы выйти, не опасаясь попасть под выстрелы.

Помню, помощник премьера, посоветовавшись с кем-то, назвал мне номер подъезда, который я и сообщил Терехову. Но вскоре Слава мне перезвонил: «Выйти не можем, огонь не прекратили, что они перебить нас хотят?»

Я в горячке опять звоню в премьерский офис. Там все взбудоражены, говорить трудно. Нелитературная лексика звучала такая, что о смысле можно было только догадываться. В конце концов, добился указания другого подъезда, где должна была быть прекращена стрельба. Кажется, это был 20-й подъезд.

В.Терехов: Я передал белодомовским лидерам новое предложение премьера. Подошел Руцкой и попросил сообщить через «Интерфакс», что он и руководство Белого дома готовы выйти. Мгновенно были скреплены несколько простыней, и когда «флаг», если его можно так называть, был готов, встал

вопрос: а кто пойдет с ним на выход? Руцкой сказал, что если выйдет он, то его обязательно застрелят. Все молчали.

«Пойдешь? – спросил он меня. – Ты передай в Кремль, что с флагом идешь ты. Тебя знают, стрелять не будут». Я сообщил все это М.Комиссару, он запротестовал, не разрешая идти, но я был уверен, что в меня стрелять не будут, взял флаг и пошел.

Между тем события развивались стремительно, хотя тогда мне казалось, что в сутках не 24 часа, а все сто: так долго тянулись минуты. Но обо всем по порядку. Итак, я взял белый флаг и стал медленно спускаться по этажам, давая возможность своим коллегам в «Интерфаксе» позвонить премьеру Виктору Черномырдину и сообщить о готовности обороняющихся к переговорам, чтобы тот, в свою очередь, отдал приказ прекратить огонь у 20-го подъезда.

Когда я спустился вниз, то встретил большую группу лиц, вооруженных автоматами и одетыми в военную форму. Они приняли меня за лазутчика и, наставив на меня автоматы, приказали лечь лицом вниз.

Попытка объяснить, что я – парламентар и хочу принести всем мир, непонятно почему не только не была принята, но вызвала бурную ярость. Получив сильный удар в области почек, я упал. К голове и горлу были приставлены автоматы. От меня требовали сказать, «сколько моих сторонников засели на втором этаже и отстреливаются».

Лежа, я еще раз объяснил им, зачем нахожусь здесь. Тогда офицер, которого называли «товарищ лейтенант», приказал мне, выставив вперед руки, идти в подвал и убедить каких-то мужчин, которых я не видел из-за темноты, выйти

Белый дом
капитулировал.
По Москве с воем
проносились «скорые»,
больницы были забиты
ранеными. Телевидение
без конца показывало
горящий Белый дом.
Мы, наконец, поняли,
что все закончилось
и беспокоило лишь
одно: где Слава
Терехов?

ИЗ АРХИВА НОВОСТЕЙ «ИНТЕРФАКСА»

4 октября 1993 года, понедельник
ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК №29

ОБСТРЕЛ БЕЛОГО ДОМА УСИЛИВАЕТСЯ

Правительственные войска продолжают на протяжении уже более четырех часов обстрел Дома Советов РФ в Москве. В последнее время обстрел значительно усилился. Корреспондент «Интерфакса» передал в 12.00 из Белого дома, что в связи с усилением огня он вынужден спуститься в подземный бункер под Белым домом.

Зажигательным снарядом из БТРа значительно разрушен шестой этаж здания. На нем начался пожар. Он был ликвидирован защитниками Белого дома, которые воспользовались брандспойтами. Значительная часть этажа залита водой. Также горят верхние этажи здания.

Пострадало также помещение, где располагался общий офис трех российских информационных агентств: ИТАР-ТАСС, РИА, «Интерфакса». Стекла и стены комнаты изрешечены автоматными и пулеметными пулями...

ПО ПЕРВЫМ ОЦЕНКАМ МОСКОВСКИХ МЕДИКОВ, В ГОРОДЕ ПОГИБЛИ ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ 18 ЧЕЛОВЕК – ЦИФРЫ НЕ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ

За воскресенье и ночь на понедельник в Москве погибли 18 человек, пострадали 192 человека, госпитализированы 158. Об этом сообщили «Интерфаксу» в Главном медицинском управлении города, отметив, что располагают данными лишь на 4 часа утра 4 октября. В управлении предположили, что эти цифры не окончательные и, вероятно, будут расти...

Мне звонил наш корреспондент, который где-то перемолвился с Хасбулатовым. «Хас» просил передать, что Терехова застрелили, когда он с белым флагом выводил людей из Белого дома

оттуда. «Если они не выйдут или если ты попытаешься сбежать к ним – все будете расстреляны», – сказал офицер.

В подвале стояли испуганные безоружные люди. Они отказались выйти, несмотря на все мои попытки убедить их, что их не тронут (лейтенант дал слово офицера). Я покинул подвал. На полу в вестибюле 20-го подъезда лицом вниз с заложёнными за голову руками лежали человек 10. Они были в штатском. Меня положили рядом. Минут через 20–30 нам приказали ползком продвинуться к тому месту, где раньше была вешалка, и лежать не шевелясь. Разбив автоматами несколько окон, автоматчики начали отстреливаться, предупредив, что если будем шевелиться у них за спиной, «то они пройдутся по нам автоматной очередью».

М.Комиссар: Итак, Белый дом капитулировал. По Москве с воем проносились «скорые», больницы были забиты ранеными. Телевидение без конца показывало горящий Белый дом. Мы, наконец, поняли, что все закончилось и беспокоило лишь одно: где Слава Терехов?

Он молчал со вчерашнего дня, с тех пор как бросил трубку со словами: «У меня нет выхода, я вывожу колонну...»

Тут мне сказали, что по телефону меня ищет Олег Щедров – наш бывший журналист, который к тому времени работал в Рейтере. Начало разговора с ним заставило меня похолодеть: «Мне звонил наш корреспондент, который где-то перемолвился с Хасбулатовым. «Хас» просил передать, что Терехова застрелили, когда он с белым флагом выводил людей из Белого дома».

ИЗ АРХИВА НОВОСТЕЙ «ИНТЕРФАКСА»

4 октября 1993 года, понедельник
ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК №35

КОРРЕСПОНДЕНТ «ИНТЕРФАКСА» ВЯЧЕСЛАВ ТЕРЕХОВ ЖИВ

Не подтвердились слухи о гибели корреспондента «Интерфакса» Вячеслава Терехова, находившегося в Доме Советов во время штурма здания правительственными войсками. В.Терехов вернулся в агентство около 15.00.

В.Терехов в течение длительного времени не мог покинуть здание Белого дома из-за сильного обстрела, но ему все-таки удалось вырваться.

4 октября 1993 года, понедельник
ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК №36

ГРАЧЕВ ГОТОВ ПРИНЯТЬ КАПИТУЛЯЦИЮ БЕЛОГО ДОМА

Министр обороны России Павел Грачев около трех часов дня в понедельник прибыл к Белому дому, чтобы, как стало известно «Интерфаксу» из военных источников, «принять безоговорочную капитуляцию» защитников здания. В данный момент он начал переговоры с депутатами, вышедшими из Дома Советов.

В правительстве ожидают, что «уже в ближайшее время» капитуляция сторонников Руцкого – Хасбулатова будет принята на его условиях: выход из здания без оружия, сдача оружия и боеприпасов правительственным войскам.

...У меня все оборвалось. Собрал ближайших коллег. Начал механически, плохо соображая после этого сообщения и нескольких дней без сна, отдавать какие-то распоряжения: «Его жене ничего не говорить, объездить все больницы и морги, найти тело».

А Славина жена, будто чувствуя, наседала на меня по телефону. Попросил сказать ей, что сплю, а сам набирал телефоны всевозможных служб в поисках Терехова, но его никто ни живым, ни мертвым не видел и ничего сказать не мог.

Вернулись наши ребята, которые объездили больницы, принимавшие раненых. Славы нигде не было. Но слава Богу, и морги его не зарегистрировали. Надежда, хоть и слабая, появилась. Хотя мы понимали, что всех погибших опознают еще не скоро.

Так прошел почти весь день. Помню, куда-то уезжал. Вернулся в офис, прошел в кабинет, ни на кого не глядя, с жутким опустошением в душе. Открыл дверь и обомлел: в углу моего кабинета, свернувшись в кресле и подставив под ноги стул, сладко спал Слава Терехов. Весь в синяках, грязный, всклокоченный, но – живой!

В.Терехов: После полудня из подвала вывели почти 300 человек. Стало ясно, что расстрела теперь не будет. На все наши вопросы, военнослужащие ли они и если да, то из какой части, ответ следовал один: «Не ваше дело, лежите тихо не шевелясь». Кто-то вслух читал молитву, кто-то посылал неизвестно в чей адрес проклятия. Часа через полтора нас всех заставили спуститься в подвал.

Я вновь попытался объяснить старшему группы, что мне нужно подняться к телефону и продолжить переговоры о мире. Но разрешения не получил. Наконец, в подвале раздалась команда: потихоньку выходить на улицу. Проходя по подземному коридору, я узнал одного из тех, кто ударил меня. В ответ на вопрос, почему же со мной так обошлись, солдат сказал: «Не судите нас строго, злости было очень много». – «На кого?»

Посмотрев на меня, он ответил: «Не знаю. Время такое».

Когда я вышел из Белого дома, увидел рядом с ним телефон-автомат. По старой студенческой хитрости сложил лист бумаги и вместо монеты замкнул контакты. В трубке раздался гудок. И тогда я сообщил, что творится вокруг Белого дома, что иду в «Интерфакс». В ответ из машбюро девушки очень проникновенно спросили: «Вы живы?» Несмотря на боль, я рассмеялся и сказал: «Нет. Это я звоню с того света».

На самом деле вопрос-то был не праздным. Сообщение о том, что парламентар убит, сделал Хасбулатов. Дело в том, что человек, которому передали белый флаг, с которым сначала шел я, был сражен шальной пулей, когда выбежал из дверей Белого дома. Некоторые подумали, что погиб Терехов. Слух о том, что Судьба была ко мне немилосердна, разнесся по журналистскому сообществу, освещавшему трагические события тех дней. Знаю, что коллеги по цеху даже звонили в «Интерфакс» и выражали свои соболезнования...

Я приехал в офис, зашел в кабинет М.Комиссара, который куда-то уехал, и уснул прямо в кресле.

Журналисты зачастую спорят о сути своей профессии. Одни считают, что это – ремесло, другие убеждены, что – искусство. На мой взгляд, журналистика – это верность долгу плюс немного везения. Мне повезло. Пусть повезет и вам!

Журналисты зачастую спорят о сути своей профессии. Одни считают, что это – ремесло, другие убеждены, что – искусство. На мой взгляд, журналистика – это верность долгу плюс немного везения

Президент-корреспондент

о том, как будущий президент Азербайджана работал внештатным корреспондентом «Интерфакса» в Нахичевани

Михаил Комиссар,
Председатель
Совета директоров
Группы «Интерфакс»

До лета 1991 года Гейдара Алиева я лично не знал, хотя, конечно, много про него слышал. В высшем партийном руководстве конца 1980-х он был, как бы сейчас сказали, антикризисным менеджером. Его бросали на самые сложные дела. Так, в 1986 году именно он возглавил комиссию по расследованию катастрофы теплохода «Адмирал Нахимов». «Интерфакс» писал о нем много, но общались с Г.Алиевым в основном журналисты, меня же судьба как-то не сводила с ним

В тот день, 19 июля 1991 года, только я вернулся откуда-то в агентство, ко мне влетает очень взволнованный мой заместитель Слава Терехов, который тогда руководил отделом корреспондентов.

«У нас Гейдар Алиев, сейчас приведу его к тебе», – выпалил он. «Какой Алиев?» – удивился я. «Тот самый, – пояснил Слава и, видя мое недоумение – ведь члены Политбюро к нам в гости до этого еще ни разу не приходили, – объяснил: он написал заявление о выходе из КПСС и предлагает нам его опубликовать». «Будем просить кого-то из ЦК прокомментировать?» – спросил Терехов.

Вообще-то давать новости с чьими-то комментариями был наш «фирменный» стиль. Мы старались к каждой новости добавлять мнения оппонентов, экспертов с тем, чтобы информация не повисала в воздухе, а приходила к подписчику с пояснениями, что за ней стоит, что означает то или иное событие, каковы могут быть его последствия, что может случиться дальше.

Но тут был особый случай. После подробностей, которые рассказал Терехов, я сразу понял, что в ЦК сразу «заматают» эту информацию или уж, по крайней мере, не дадут опубликовать текст, а выдадут лишь толкование, в котором, конечно, все будет выхолощено.

«Нет, Слава, – сказал я Терехову. – Давай-ка мы не будем рисковать. Эта новость важна сама по себе. Сделаем процесс необратимым, а затем уж будем искать комментарии». Слава кивнул и через минуту вернулся с Г.Алиевым.

Я первый раз видел его вот так близко. Насколько я помню, он был очень спокоен, с прищуром посмотрел на меня и как-то так с «подвохом» спросил: «Ну что, наверное, дрогнете? Последствия-то для вас могут быть серьезными, идеологический отдел до сих пор жалеет, что в январе вас не закрыли». Я очень удивился, что Г.Алиев знает про эту историю. Консервативные силы в руководстве ЦК КПСС в январе 1991 года действительно пытались нас закрыть. «Наезд», как бы сейчас сказали, был очень серьезным.

Алиев усмехнулся. «Ну я же к вам не случайно пришел. Посоветовался, сказали, что вы не должны прогнуться». «Правильно сказали, даем немедленно», – ответил я. Через пару минут новость вышла, и что тут началось...

...Шло время. Происходило много бурных событий. Август 1991 года, ГКЧП, Горбачев, Ельцин. СССР ушел в историю.

Инцидент с заявлением Г.Алиева быстро уходил в прошлое. Я знал, что он стал руководителем Нахичевани, мы писали об этом. Но происходило это где-то на уровне рядовых событий, которые отражались на ленте «Интерфакса» каждый день.

И вот однажды весной 1992 года мне говорят, что к нам приехал фельдъегерь. Я даже не понял, что это значит. До тех пор с этой службой мы не общались.

Ко мне в кабинет вошел офицер, достал из портфеля телеграмму с большой красной надписью «правительственная» – я таких раньше никогда не ви-

дел – и попросил расписаться в получении. К моему удивлению, телеграмма содержала информацию о ситуации в Нахичевани. Внизу стояла подпись: «Г.Алиев».

Мы, конечно, с энтузиазмом подготовили сообщение и выпустили его. С этого дня началась наша плотная работа с новым «внештатным корреспондентом» в Нахичевани.

Это необычное сотрудничество длилось вплоть до его избрания президентом Азербайджана. Чуть ли не каждый день к нам приезжали фельдъегеря и под расписку вручали «Правительственные» телеграммы за его подписью. Всего за это время к нам пришло и от нас вышло, наверное, около сотни сообщений, автором которых был Г.Алиев.

Потом было много других встреч, а затем на свет явилось агентство «Интерфакс-Азербайджан», идею создания которого активно поддержал азербайджанский президент. Но это уже другая история...

«Я первый раз видел его вот так близко. Он был очень спокоен, с прищуром посмотрел на меня и как-то так с «подвохом» спросил: «Ну что, наверное, дрогнете?»»

Г.Алиев и М.Комиссар в Посольстве Азербайджана в Москве, 2001 год

Как мы спасали Горбачева или как «Интерфакс» предотвратил «путч-2»

Михаил Комиссар,
Председатель
Совета директоров
Группы «Интерфакс»

Мало кому известно, что вслед за августовским путчем 1991 года вполне мог последовать путч ноябрьский, к срыву которого «Интерфакс» имел самое прямое отношение.

...После августовского выступления ГКЧП прошло чуть более двух месяцев. В стране было очень неспокойно, приближение конца великой державы, как мы теперь, задним числом, понимаем, неслоь нам навстречу сотнями различных дорог и тропинок

Главным, конечно, было противостояние Горбачева и Ельцина. Последнего поддерживало все больше и больше людей, терявших последнюю веру в коммунистические идеалы. В то же время государственная система испытывала колоссальное напряжение и в прямо противоположных плоскостях: против политики Горбачева яростно выступали те, кто любой ценой хотел сохранить коммунистическую власть и противился либерализации политической и экономической жизни страны. Эти силы неуклюже попытались опрокинуть Горбачева в августе, но с формальным подавлением путча их намерения не изменились.

Ранней осенью 1991 года слухи о каком-то продвижении войск, о вводе неких частей в Москву появлялись довольно часто. Их регулярно опровергали и постепенно к ним почти привыкли. Тем более что главным полем битвы Горбачева, конечно же, была поднимающаяся российская государственность и расшатывание федеральных основ.

...Итак, в один из дней начала ноября 1991 года, судя по датам нашего сообщения, о котором пойдет речь, это было 5-го числа, я с утра был в офисе агентства. Неожиданно мне сказали, что по телефону со мной хотел бы переговорить Виктор Иванович Илюхин, один из самых высокопоставленных сотрудников Прокуратуры СССР. В то время он был начальником управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности, членом коллегии Прокуратуры СССР, старшим помощником Генерального прокурора СССР. Я его немного знал, так как несколько раз делал с ним интервью, но никаких особых отношений у нас не было.

– Михаил Витальевич, у меня для вас информационный сюрприз, – начал разговор В.Илюхин. – Ценю ваше агентство, вас теперь весь мир знает (он явно имел в виду широкую известность, которую мы приобрели при освещении событий августа 1991 года), а мне как раз нужно кое-что сообщить всему миру. Присылайте курьера.

Предвкушая сенсацию (у Генпрокуратуры всегда может найтись что-нибудь интересное для журналистов), я отправил к нему мою помощницу Екатерину Акоюн. Где-то через час она вернулась и сказала, что предполагает что-то необычное. Ее ждали у входа в Прокуратуру и сразу проводили в кабинет В.Илюхина. Он немедленно принял ее, расспросил про возможности агентства, про подписчиков и пере-

дал ей для меня большой запечатанный конверт с гербами, напечатанными крупными буквами именем отправителя: «Прокуратура Союза ССР». Прощаясь с Катей, Илюхин подчеркнул: «Пусть Комиссар не беспокоится, это – не дезинформация».

Заинтригованный этим рассказом, я открыл конверт и буквально остолбенел.

Передо мной лежало несколько страниц отпечатанного на машинке текста. На первой из них была копия короткого, но весьма впечатляющего письма В.И. Илюхина, датированного этим же днем, 5 ноября, руководителю Межреспубликанской службы безопасности (так после августовского путча обозвали всемогущее еще КГБ) В.В. Бакатину: «Направляю Вам постановление о возбуждении уголовного дела по статье 64 УК РСФСР в отношении Горбачева М.С. и материалы. Прошу организовать тщательное расследование вверенными Вам следователями. Приложение: на 15 листах. Начальник управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности В.И. Илюхин».

Надо представить себе мои тогдашние ощущения. Если это была правда, то это действительно была «бомба». М.С. Горбачев все еще оставался руководителем великой страны и хотя ей оставалось жить, как теперь известно, лишь полтора месяца, тогда никто из нас не мог себе этого представить. Вдумайтесь, представитель Генпрокуратуры, не высший, но и далеко не низший, открывает против президента СССР уголовное дело. И по какой статье! В советской истории такого еще не было. Даже случай с Н.С. Хрущевым был иным.

Обвинение М.С. Горбачева в измене по силе воздействия на нас было не меньше, чем для предыдущих поколений арест Берии или развенчивание культа личности Сталина.

Но был во всей этой истории еще один аспект.

Я и многие мои коллеги были бесконечно признательны Горбачеву за то, что он развернул нашу страну в сторону демократии, за то, что при нем мы начали наконец избавляться от страха перед государством, который, казалось, у советских людей стал уже генетическим. При всех претензиях к нему мы знали, Горбачев не пойдет на кровь и арестовывать за наличие своего мнения при нем не будут.

Не веря своим глазам, я листал прилагавшееся «Постановление о возбуждении уголовного дела», датированное днем ранее – 4 ноября.

Там подробно анализировались нарушения, допущенные по мнению Илюхина, Государственным советом СССР, который 6 сентября принял Постановления о признании независимости Латвийской, Литовской и Эстонской республик.

«Этими актами был закреплен выход названных республик из состава СССР и существенное изменение территории последнего», – говорилось в преамбуле. Затем на нескольких страницах приводилось юридическое обоснование нарушений Госсоветом во главе с Горбачевым советских законов и, наконец, шло завершающее документ Постановление: «...Возбудить уголовное дело в отношении Горбачева Михаила Сергеевича по признакам статьи 64 УК РСФСР (измена Родине)».

«Вот оно, – застучало в голове. – Похоже, через нас собираются запустить тот самый «путч-2», который должен был низвергнуть Горбачева». Причем это делалось явно не в пользу демократических сил, группировавшихся вокруг Ельцина, а в соответствии с интересами тех, кто предпринял неудачную попытку переворота двумя месяцами ранее.

«Михаил Витальевич, у меня для вас информационный сюрприз, – начал разговор В.Илюхин. – Ценю ваше агентство, вас теперь весь мир знает, а мне как раз нужно кое-что сообщить всему миру. Присылайте курьера»

1. Экс-президент СССР М.Горбачев на пресс-конференции в центральном офисе «Интерфакса», ноябрь 2007 года
2. Глава РСПП А.Вольский и М.Комиссар на пресс-конференции в центральном офисе «Интерфакса» в Москве, май 2001 года

Обвинение
М.С. Горбачева в измене
по силе воздействия
на нас было не меньше,
чем для предыдущих
поколений арест Берии
или развенчивание
культы личности
Сталина

Я созвал нескольких ближайших коллег-соратников. Помню там были Слава Терехов, Ренат Абдуллин, Андрей Мартынов. Мы все были в шоке. Но однозначного понимания не было. С одной стороны, это могло быть началом нового государственного переворота. И по чьему-то сценарию «выстрел Авроры» решили доверить нам. Что должно было произойти затем, мы более или менее представляли. Влиятельные силовые структуры, руководители ключевых ведомств заявят о неповиновении лидеру государства, против которого возбуждено уголовное дело, да еще со столь «значимой» в нашей стране формулировкой «измена Родине». Как же такому повиноваться? Зачем соблюдать присягу? А затем возникнет нечто вроде ГКЧП-2, которое Родину защитит, порядок наведет, ну и накажет кого надо, как водится.

Если принять этот вариант объяснения ситуации, размышляли мы, то по созданному кем-то плану через нас стране и миру доводилась информация о том, что во главе СССР стоит преступник, которого будут судить за измену Родине. Дальнейшие элементы сценария просчитывались, хотя в них мы уже, видимо, не задействовались. С нас всего лишь все должно было начаться.

Начали размышлять. Почему именно нам такое счастье? Более или менее понятно. Канал, обладающий уникальной клиентской базой: основные мировые

и советские СМИ, правительства крупнейших государств мира, первые лица нашей страны. Нацелены на сенсацию, схватят этот «горячий пирожок», как дар свыше.

Но могло быть и другое объяснение всей этой истории. А если это дезинформация, которую через нас пытаются запустить «высокие» противники Горбачева? После августовского путча такое тоже уже не представлялось невероятным. В этом случае, выстрелив «дезу» по нашим каналам, они устроили бы шум на весь мир, который затем был бы просто дезавуирован руководством Генпрокуратуры (Илюхин-то не был даже заместителем Генпрокурора), а мы выглядели бы полными дураками, не попытавшимися проверить столь невероятную информацию.

Стали думать, что если к кому-то обратиться за разъяснениями? Но к кому? А если придем как раз к тому, кто в заговоре? Августовский путч показал, что в этих делах задействованы очень серьезные люди. Не зря же Илюхин адресовал свое письмо В.В. Бакатину. Может, и он, один из ближайших горбачевских сторонников, с ними? Тогда можно было предположить и такое...

И тут кому-то, по-моему Славе Терехову, пришла в голову идея: «Вольский!»

Это была перспективная мысль. Аркадий Иванович Вольский – один из самых влиятельных и достойных людей из окружения Горбачева, бывший помощник Андропова в пору его короткого генсекства, человек с твердым характером и блестящим гибким умом. Умевший отстаивать свою точку зрения и не боявшийся идти «поперек» (за что, кстати, в момент барской немилости и был сослан с Кремлевского Олимпа сначала в Нагорный Карабах, а затем – в созданный под него Научно-промышленный Союз СССР). Вольский прикрыл нас собой полугодом ранее, когда не дал довести гонения со стороны ряда членов Политбюро до расправы. С тех пор я был с ним очень дружен, виделся или как минимум созванивался чуть ли не ежедневно. Этому человеку я доверял абсолютно и главное – знал, что он постоянно «варится» во всех кремлевских интригах.

Я позвонил ему и сказал, что необходимо срочно увидеться. Проблем с этим, естественно, не возникло, и через час я уже был в его кабинете на Старой площади. Вольский внимательно выслушал меня и вообще отнесся к информации очень серьезно. Помню, он долго вертел илюхинские документы и затем вынес вердикт: «По этому вопросу ты должен поговорить с Горбачевым. Напрямую. Больше никого втягивать нельзя».

Меня это удивило. Во-первых, я все же надеялся, что Вольский назовет все это «ерундой» и PR-ходом Илюхина. Во-вторых, я Горбачева лично не знал и плохо представлял себе, как это можно вот так, прийти и поговорить, да еще и по столь необычному делу с президентом СССР. Когда я ехал к Вольскому, то полагал, что в крайнем случае, посчитав эту информацию важной, он сам как-то доведет ее до Горбачева. Но по каким-то своим раскладам Вольский решил, что действовать надо иначе.

Не обращая внимания на мое недоумение, он поднял трубку первой АТС и, как я понял, заговорил с помощником или секретарем Горбачева.

– Соедините меня с Михаилом Сергеевичем.

Видимо, ему стали объяснять, что Горбачев занят, и тут Вольский проявил свой характер:

– Скажите ему, что это срочно и чрезвычайно важно.

«Вот оно, – застучало в голове. – Похоже, через нас собираются запустить тот самый «путч-2», который должен был низвергнуть Горбачева». Причем это делалось явно не в пользу демократических сил, группировавшихся вокруг Ельцина, а в соответствии с интересами тех, кто предпринял неудачную попытку переворота двумя месяцами ранее

Больше всего меня поразило сознание того, что мы подозревали, но во что не хотели верить: Горбачев и его люди ничего не знали об официально оформленных против него обвинениях в измене Родине

Вскоре я понял, что Горбачев взял трубку. То, что Вольский сказал затем, забыть невозможно. Без всяких предисловий и пояснений, практически требовательным тоном он произнес:

– Михаил Сергеевич, я прошу Вас срочно принять руководителя «Интерфакса» Михаила Комиссара. Он сейчас у меня, и у него есть информация чрезвычайной важности.

Как было бы естественно полагать, президент СССР не был воодушевлен этим предложением и, видимо, не выразил никакой заинтересованности во встрече с неизвестным ему представителем молодого информагентства. И тут Вольский снова вовсю показал себя.

– Михаил Сергеевич, я Вас часто о чем-нибудь прошу? Если я Вам говорю, что Вам надо (он как-то особенно нажал на это «надо») принять Комиссара, то я отвечаю за свои слова. Вы должны его принять.

Вольский положил трубку, посмотрел на меня своим «специфическим» пронзительным взглядом, в котором – что меня поразило – совсем не было обычно присутствующей ему усмешки (а он подсмеивался или взглядом, или словом всегда и над всем): «Ну давай, Миша. Михаил Сергеевич ждет тебя у себя...» (он назвал точное время, которое, увы, сейчас уже и не вспомню).

Перед тем как проститься он вдруг сказал: «За тобой могут следить, да и за документами охотиться могут, мы ведь не знаем всей игры».

Помню, когда он назвал это «игрой», я еще попробовал схохмить что-то насчет того, что главное – участие, а не победа. Вольский шутку не поддержал, даже разозлился, чего у меня с ним еще не случилось.

– Ты что, не понимаешь, каким людям ты сейчас планы путаешь? Машина есть?

Я кивнул (не объяснять же ему, что мы арендуем старый «Москвич» с водителем-хозяином).

– Можешь взять кого-то, чтобы одному по улице не ехать? Я пообещал. (Много лет спустя, когда я спросил его, почему он не дал мне свою машину и своих охранников, Аркадий Иванович с весьма серьезным видом пояснил: «Если б за тобой «смотрели», то, увидев мою машину и моих людей, сразу бы все поняли. А так, мало ли зачем ты ко мне заходил?»)»

Я успел вернуться в офис, мы сделали копии с документов, обсудили с коллегами возможное развитие ситуации. Мне сказали, что от Илюхина несколько раз звонили, но друзья придумали какую-то убедительную «отмазку», почему меня не было (счастливым было время – не позволяющих спрятаться от нежелательных звонков мобильных тогда еще не было и в помине).

Коллеги, да и я сам были встревожены (наверное, правдивее говорить – перепуганы) не на шутку. Быть в центре не «киношной», а реальной таинственной паутины в игре со столь влиятельными противниками оказалось не очень-то увлекательно.

Охрана «Интерфакса» состояла тогда (теперь об этом можно сказать) из подрабатывавших милиционеров, которые приходили к нам на дежурство в штатском со своим табельным оружием. Ни разу применить им его, слава Богу, не пришлось, но я их всех при приеме на работу предупреждал, что если что-то вдруг однажды случится и они для острастки выстрелят – не на поражение, а в воздух – наградим и защитим перед начальством.

Брали тех, кто шел на эти условия. И нам было чего опасаться: кроме всяческого рода недовольных шизоидов могли ведь и банально покуситься на компьютеры, телефоны и прочее. Такое было время.

Так вот, я взял одного охранника и сказал ему, что мы повезем в ЦК очень важный документ и на нас могут напасть.

«Готов ты стрелять?» К моему удивлению, он не испугался и отреагировал спокойно: «Нападут – применим».

Так мы и поехали на Старую площадь: какой-то раздолбанный арендованный агентством автомобиль с водителем, а на заднем сиденье – я с папкой и охранник со снятым с предохранителя пистолетом в руке, тревожно всматривающийся в окошко.

...Я впервые попал в знаменитые генсековские коридоры Старой площади. Помню, меня ждали и довольно быстро провели в кабинет Горбачева. Кроме него в кресле у стола сидел его помощник по внутренним вопросам Георгий Хосроевич Шахназаров, которого я до этого немного знал.

М.С. Горбачев пригласил меня присесть в кресло у приставного стола, напротив Г.Шахназарова.

– «Ну что у тебя там?» – помню начал Михаил Сергеевич немного насмешливым тоном, как бы показывая, что я отрываю его от дел из-за какой-то блажи Вольского.

Я рассказал ему подробно всю историю. Горбачев с недоверием усмехнулся: «Что? Уголовное дело на меня? Измена Родине?»

Звучало это примерно как: «Парень, ты в своем уме?»

Дело принимало такой оборот, что нам было не до славы. Мы рисковали нажать себе весьма влиятельных недругов, которые могли бы сильно затруднить нашу жизнь и работу

М.Комиссар и М.Горбачев в центральном офисе «Интерфакса», ноябрь 2007 года

На моих глазах Горбачев, нажимая кнопки на пульте и выслушивая доклады военных начальников, привел в состояние боевой готовности Московский военный округ, приказал объявить тревогу в ряде частей МВД, посоветовал «быть повнимательней» кому-то из руководства Госбезопасности

Больше всего меня поразило сознание того, что мы подозревали, но во что не хотели верить: Горбачев и его люди ничего не знали об официально оформленных против него обвинениях в измене Родине. Спецслужбы и прочие каналы почему-то опять дали осечку.

ЭмЭс (так тогда по инициалам имени и отчества в политтусовке называли М.С. Горбачева) и Шахназаров внимательно изучили документы, затем президент повернулся к огромному пульту связи, который привлекал мое внимание множеством кнопок.

– Михаил Сергеевич, только, пожалуйста, не ссылайтесь на нас, – попросил я, – ведь у вас есть много возможностей получить эти документы, а нам ссориться с этими людьми не нужно...

Дело принимало такой оборот, что нам было не до славы. Мы рисковали нажать себе весьма влиятельных недругов, которые могли бы сильно затруднить нашу жизнь и работу.

Горбачев кивнул и нажал какую-то кнопку. Ответил, не помню точно, кто-то из руководителей Генпрокуратуры. По-моему, Генпрокурор Н.С. Турбин отсутствовал и ответил его зам. ЭмЭс обрушился на него с гневной тирадой, суть которой сводилась к мысли: «Куда смотрит руководство Генпрокуратуры, если «какой-то» начальник управления может возбудить уголовное дело против президента?» Он потребовал немедленно принять меры и дезавуировать решение Илюхина.

А затем произошло то, что меня впечатлило, пожалуй, более всего. На моих глазах Горбачев, нажимая кнопки на пульте и выслушивая доклады военных начальников, привел в состояние боевой готовности Московский военный округ, приказал объявить тревогу в ряде частей МВД, посоветовал «быть повнимательней» кому-то из руководства Госбезопасности.

Михаил Сергеевич принялся расхаживать по кабинету, вслух полемизируя со своими оппонентами. Что-то типа: «Они ничего не понимают и своими действиями разваливают страну».

Потом он снова вернулся к пульту и попросил секретаря соединить его с Борисом Ельциным, в то время уже практически полностью автономным лидером новой России.

Между этими двумя людьми, сыгравшими ключевую роль в современной российской истории, шла постоянная борьба, которая то обострялась, то как-то – по крайней мере, внешне – сглаживалась. Такое, как бы внешнее перемирие произошло после возвращения Горбачева из Фороса. И в начале ноября 1991 года (всего за полтора месяца до конца СССР!) их отношения, похоже, были более или менее в позитиве – то есть они хотя бы разговаривали друг и другом.

По громкой связи зазвучал характерный голос Ельцина. Горбачев с нотками сарказма – «Ты представляешь, что придумали?», – поглядывая на меня и Шахназарова, стал излагать ему историю. Я трепетно внимал казавшейся весьма дружеской для постороннего беседе двух политических лидеров. И тут вдруг, к моему ужасу, Михаил Сергеевич сказал, обращаясь к раздававшемуся из динамика голосу Ельцина:

– И знаешь, через кого они хотели это запустить?

Я в отчаянии замахал руками, но ЭмЭса уже было не остановить.

– Они это подбросили «Интерфаксу» и рассчитывали через него дать это на весь мир. Вот у меня сейчас Комиссар здесь...

Тут он увидел мое, видимо, сильно побледневшее лицо и, вспомнив про мою просьбу, свернул с «Интерфакса» на какую-то другую тему. Ельцин, который, кстати, был неплохо знаком и со мной, и с «Интерфаксом», никак, к счастью, не отреагировал на этот пассаж. Наверное, был чем-то занят.

...На прощание Горбачев подошел ко мне и тепло сказал: «Спасибо. Не забуду».

Спустя годы, уже после его отставки, мы с ним подружились и дружим до сих пор. Но про первое наше знакомство как-то никогда не говорили. Когда недавно я напомнил ему про этот эпизод, Горбачев, подумав, отрицательно помотал головой: «Не помню, сам знаешь, сколько тогда всего творилось, каждый день что-то где-то рвалось».

Георгий Шахназаров напоследок сказал мне: «Миша, мы теперь – твои должники». Я тут же повторил сюжет про рыбака и рыбку и запросил эксклюзивный комментарий по поводу этого дела: «Завтра ведь все равно утечет, столько людей на ноги поставили». «Шах» посмотрел на меня своими мудрыми глазами и усмехнулся, практически словами Золотой рыбки: «Я ж сказал, мы – должники. Приходи завтра, будет тебе интервью».

И назавтра он дал нам редкое для него интервью, в котором поддержал наши догадки: «Запущенный Илюхиным пробный шар явно имеет целью возбудить националистические страсти, на волне которых реакция получила бы шанс повторить провалившийся августовский путч».

Эта история имела и еще одно странное, я бы сказал – экстравагантное, – продолжение. Через пару недель в Москву приехал губернатор американского штата Колорадо Рой Ромер. Я шапочно познакомился с ним, когда в начале 1991 года мы открыли в столице Колорадо – Денвере – нашу американскую «дочку» – компанию «Интерфакс-Америка». Тогда нас кто-то завел на пару минут к Ромеру.

Теперь, в Москве, он зашел к нам и вдруг попросил: «Хочу увидеться с Горбачевым» (этого тогда хотел весь боготворивший его мир). Мы очень хотели сделать Ромеру услугу, полагая, – как потом стало понятно, наивно, – что он поможет нам развивать бизнес в Америке.

В общем, я позвонил Шахназарову. Умудренный в дворцовых делах «Шах», конечно же, сразу оценил несоответствие рангов: губернатор далекого Колорадо и президент СССР! Но он только сказал: «Миша, раз ты просишь, ЭмЭс его примет».

Через день никому не известный губернатор Колорадо тет-а-тет встретился с Горбачевым. То-то историки, исследующие закат СССР, будут гадать, что стояло за этой встречей?

В.И. Илюхин был уволен из Прокуратуры Союза ССР спустя два дня. Сейчас он депутат Госдумы от фракции КПРФ, является зампредом Комитета Госдумы по конституционному законодательству и госстроительству и членом Комиссии Госдумы по законодательному обеспечению противодействия коррупции.

Г.Х. Шахназаров умер в 2001 году. Его сын, известный кинорежиссер, директор «Мосфильма», автор многих фильмов, основанных на выдуманных историях, о последних мгновениях жизни СССР, когда я как-то вкратце попытался рассказать ему об этой истории, интереса к ней не проявил.

А.И. Вольский скончался в сентябре 2006 года. До его последних дней мы дружили, часто встречались, создавали новый бизнес-ориентированный РСПП, и за все эти долгие годы он лишь раз, подмигнув в своей манере, хитро, но обаятельно шурясь, вдруг спросил: «А помнишь, как мы ЭмЭса спасали?»

Через день никому не известный губернатор Колорадо тет-а-тет встретился с Горбачевым. То-то историки, исследующие закат СССР, будут гадать, что стояло за этой встречей?

«Интерфакс» на войне

ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

Георгий Гулия,
Исполнительный директор
Группы «Интерфакс»

Рождение «Интерфакса», к сожалению, совпало с появлением на карте бывшего СССР «горячих точек». И везде – в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Абхазии, Таджикистане, Чечне – работали наши корреспонденты, которые рискуя жизнью, сообщали миру новости из зон боевых действий

Главным тогда было избавиться от романтики. Война – это жестокость, и жизнь корреспондента ничем не отличается от жизни солдата, по крайней мере, для пули или снаряда. Мы учились в конце 1980-х начале 1990-х быть военными корреспондентами, учились выживать, учились, используя самые невероятные средства связи, передавать информацию в редакцию.

В Нагорном Карабахе работал наш корреспондент Борис Геворкян, в Грузии – Вахтанг Ломтадзе, в Абхазии и Чечне – автор этих строк, а также Леонид Жуков и Виталий Джибути. Да практически все редакторы и корреспонденты прошли первую чеченскую войну: ездили в Грозный вахтовым методом.

Именно Виталий Джибути первым сообщил о вводе федеральных сил в Чечню в 1994 году. С блокнотом в руках, ставя «галочки», он считал единицы бронетехники, а затем совершенно случайно обнаружил спутниковый телефон в селе Знаменское в доме премьера Чечни Саламбека Хаджиева.

«Он работает?» – спросил Виталий. «А что это? Из Москвы прислали, но не сказали зачем», – ответил чеченский премьер. И благодаря этой находке мир узнал о начале войны.

Надо сказать, что в начале нашей деятельности многие чиновники просто не

понимали, как работает информационное агентство. Виталий Джибути в начале девяностых работал с тогдашним министром обороны Павлом Грачевым. Он единственный из журналистов летал с министром во все его командировки, летал, естественно, одним бортом. А Грачев обязательно смотрел все телевизионные новости. Перед каждым вылетом Виталий успевал задать министру обороны несколько вопросов и передать на ленту важные заявления. Прилетая к месту назначения, Грачев усаживался перед телевизором и поражался: «Вот дают! Откуда они все знают? Я только Виталику сказал, а они уже в новостях мои слова цитируют!»

Думаю, что и сегодня некоторые руководители так и не понимают до конца, кто же мы такие...

В девяностые «Интерфакс» первым сообщил о начале войны в Абхазии, взятии абхазскими войсками Гагр в октябре 1992 года, об окончании войны в сентябре 1993 года. Довелось работать и в Грозном в августе 1996 года, когда Масхадов взял чеченскую столицу, и тогда вместе с ньюсмейкером Сергеем Степашиным летели мы в горящем самолете.

А незадолго до этого корреспондент «Интерфакса» был единственным представителем СМИ на долгих переговорах

Сергея Степашина с Асланом Масхадовым в Назрани. Ежечасно на ленту агентства поступала абсолютно эксклюзивная информация о ходе переговоров. И Масхадов не выдержал: «По нашей информации в зале присутствует корреспондент агентства ИТАР–ТАСС. Мы требуем удалить его немедленно». «Аслан, клянусь – в зале нет корреспондента ТАССа», – сказал Степашин, переговоры продолжились, а информация продолжала идти в Москву. В перерыве я спросил Сергея Вадимовича: «Пришлось соврать?» «Ты что! Как я могу соврать! Я сказал абсолютную правду: ты же не ТАСС, а «Интерфакс»!» – возмутился он.

Но вернемся к полету из Грозного. В середине августа, после десяти дней боев за чеченскую столицу, московская делегация, прибывшая на переговоры, но попавшая в самое пекло, пыталась улететь из Чечни.

В аэропорту Северный, простреливаемом со всех сторон, чудом сел небольшой самолет МЧС. Сергей Степашин, Вячеслав Михайлов, бывший тогда министром по делам национальностей, депутат Владимир Зорин и я вбежали на борт.

Там уже сидел глава Чечни Доку Завгаев и читал одну из московских газет недельной давности, на первой полосе которой была огромная его фотография и жирная подпись: «Завгаев сбежал из Грозного».

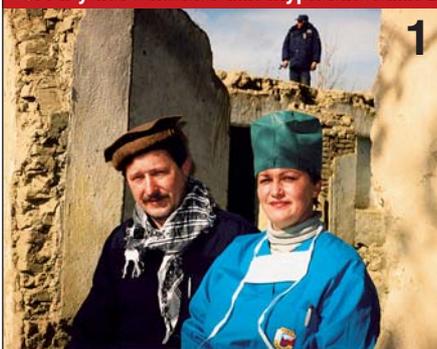
После короткого разбега самолет начал резко, практически перпендикулярно земле, набирать высоту, стремясь избежать низкого пролета над горами. И видно, что-то не выдержало подобной нагрузки: салон затянуло дымом, а пластиковая обшивка вспыхнула, как бумага. Кто-то из членов экипажа начал срывать панели обшивки вместе с пучками проводов и тушить пожар огнетушителем.

Жизнь корреспондента ничем не отличается от жизни солдата, по крайней мере, для пули или снаряда. Мы учились в конце 1980-х начале 1990-х быть военными корреспондентами, учились выживать, учились, используя самые невероятные средства связи, передавать информацию в редакцию

Слева направо: Г.Гулиа, А.Чилингаров, депутат Госдумы РФ, В.Черномырдин, спецпредставитель президента РФ по урегулированию конфликта в Югославии, в московском аэропорту Внуково перед отлетом в Белград, апрель, 1999 год

1. М.Шевцов с главным врачом полевого госпиталя И.Назаровой, Кабул, декабрь, 2001 год
2. Слева направо: Р.Абдуллин, А.Лебедь, секретарь Совета безопасности РФ, Г.Гулиа в центральном офисе «Интерфакса» в Москве, июнь, 1996 год
3. Г.Гулиа с коллегами-журналистами в вертолете на пути из Ингушетии в Чечню, 1996 год

Надо знать все, что происходит, но передать ровно столько, чтобы после этих новостей тебя не расстреляли и захотели с тобой доверительно говорить на следующий день

Пожар потушен. К нам обратился командир корабля:

– Можем попробовать вернуться в Грозный...

Все отрицательно качали головами.
– Можем попробовать дотянуть до Москвы.

– А водка есть? – спросили уважаемые члены делегации.

– Почти ящик! Знали куда летим.

– Тогда в Москву!

И уже по прилету в Москву нам долго не хотелось выходить из этого самолета, способного летать без каких-то там проводов...

Часто спрашивают: «В чем же заключается высший пилотаж военного журналиста?» Думаю, вот в чем: надо знать все, что происходит, но передать ровно

столько, чтобы после этих новостей тебя не расстреляли и захотели с тобой доверительно говорить на следующий день.

Когда начался штурм Грозного Масхадовым, Сергей Степашин попросил меня посидеть в кабинете командующего федеральной группировкой в Ханкале. «Сиди, смотри, слушай, а что передавать – сам знаешь. Тебе доверяем», – сказал он.

Сiju и к ужасу понимаю всю безнадежность ситуации. Вот только одно из воспоминаний того дня – командующему докладывают: «Обнаружен штаб Масхадова или Гелаева в одном из зданий на улице Кабардинская!»

Ну, думаю, сейчас будет немедленно нанесен удар по этому месту. Но, нет. Командующий снимает тяжелые армейские ботинки, берет лупу, становится на

колени на карту Грозного, которой был за-
слан почти весь пол весьма внушительно-
го по размерам кабинета, и начинает, как
я понимаю, искать улицу Кабардинская.

Через минут пятнадцать в кабинет за-
глядывает генерал-майор. Повинуясь
движению руки командующего, он сни-
мает ботинки, становится на колени
и присоединяется к нему.

Через двадцать минут по карте пол-
зали еще и начальник контрразведки,
и какой-то генерал. Уже четверо...

Я молча наблюдал за этой картиной.
Прошло около часа. Командующий
предложил: «Надо местным товарищам
позвонить: или Завгаеву, или Кошману
(премьеру Чечни). Они подскажут».

По телефону Завгаев сказал: «Это
новое название. При Дудаеве называли
так улицу года два назад». «А что, карта
у нас не очень свежая?» – спросил ко-
мандующий начальника контрразведки.
И взгляды всех присутствующих в ком-
нате уперлись в угол карты, где было
жирными буквами напечатано: «г. Гроз-
ный. 1956 год...»

Вот так и воевали, но эта новость на
ленте, естественно, не появилась.

А затем был Александр Лебедь, были
еженочные полеты в Чечню на перего-
воры, были секретарь Совбеза Иван
Рыбкин, его заместитель Борис Бере-
зовский, а потом была новая война на
Кавказе, о которой «Интерфакс» в авгу-
сте 1999 года тоже сообщил первым.

В это время премьер России Сергей
Степашин прибыл по Волге в Татарстан,
и там ему сообщили о вторжении чечен-
ских боевиков в Дагестан. «Надо дать
информацию на ленту», – сказал он мне
на безлюдном берегу великой русской
реки. «Но как?» – просил я. Мобильная
связь, естественно, в этом месте не ра-
ботала. «Попробуй оттуда», – сказал
премьер, показывая на одинокую мили-
цейскую машину. И тогда я понял всю

вескость слова премьера России.
Насквозь вспотевший сотрудник мили-
ции, через десятые руки по рации в ма-
шине связал меня с «Интерфаксом»...

Прошла и вторая чеченская война, на
которой активно работали наши коррес-
понденты Альви Каримов, Алексей
Мешков, Михаил Шевцов, пришло вре-
мя, когда показалось, что военная жур-
налистика окончательно отошла на вто-
рой план, уступив место «паркету». Но
наступил август 2008 года.

Получилось так, что в ночь на 8 авгу-
ста «Интерфакс» стал единственным
центром, в котором сходилась вся инфор-
мация об этой новой войне на Кавказе.

Сразу после полуночи мне на мобиль-
ный позвонил президент Южной Осетии
Эдуард Кокойты. «Начался штурм Цхин-
вала! Сообщи! Это – война! И позвони
Багапшу (президенту Абхазии), скажи
ему», – прокричал он в трубку.

И в 00.15 на ленте «Интерфакса» вы-
шла «молния». Именно в этот момент,
как считается, началась война в Южной
Осетии.

В эту ночь нам пришлось стать не
только журналистами, но и связистами,
которые обеспечивали контакт Кокойты
с Багапшем, президентом Север-
ной Осетии Теймуразом Мамсуровым
и с различными политиками.

Эдуард Кокойты звонил нам каждые
минут пятнадцать, сообщая о происхо-
дющем с передовой. Разговор длился не
более минуты: его телефон сразу пелен-
говали, и по сигналу начинала бить гру-
зинская артиллерия.

В ту ночь в Цхинвали работал наш са-
мый молодой корреспондент Алексей
Штокал, а через несколько дней наш
мэтр Вячеслав Терехов, вплотную подо-
шедший к 70-летию, в числе передовых
десантных групп абхазской армии уже
высаживался в Кодорском ущелье, как
всегда, первым из всех журналистов.

Прошла и вторая
чеченская война,
на которой активно
работали наши
корреспонденты Альви
Каримов, Алексей
Мешков, Михаил
Шевцов, пришло время,
когда показалось, что
военная журналистика
окончательно отошла на
второй план, уступив
место «паркету».
Но наступил август
2008 года

Soviet Business

КАК УДАЛОСЬ СОЕДИНИТЬ НЕСОЕДИНИМОЕ

Владимир Герасимов,
Исполнительный директор
Группы «Интерфакс»

Юрий Погорелый,
заместитель Генерального
директора Службы
финансово-экономической
информации
Группы «Интерфакс»

В Советском Союзе не было не только секса. Не было и журналистики, ориентированной на реальные потребности предпринимателей и участников финансового рынка. В 1990 году начали выходить первые экономические издания «Интерфакса», задачей которых было дать зарубежным бизнесменам информацию о событиях в экономике СССР. На первых порах главной проблемой был огромный дефицит новостей, которые вообще заслуживали того, чтобы считаться «бизнесовыми», и трудность описания происходящего в СССР так, чтобы это мало-мальски было понятно западному человеку

Советские предприятия рассказывать о себе не привыкли, и хоть какое-какую скупую и часто очень противоречивую информацию можно было получить лишь от активно создававшихся СП, иностранных фирм и новых «рыночных» структур.

«Для чего это вам?» – с искренним изумлением отвечали вопросом на вопрос журналиста, интересующегося объемами инвестиций, проектами или производственными показателями, руководители заводов.

Однако, если какую-то информацию все же удавалось добыть, описать полную и непротиворечивую картину происходящего часто было еще более сложной задачей. Если худо-бедно удавалось ответить на вопросы «что, где и когда», то сакраментальный вопрос, что же все это значит и сколько все это стоит, в большинстве случаев так и оставался без ответа.

Причем даже если в новостях фигурировали «рубли», «инвалютные рубли», «переводные рубли», то они имели абсолютно разные официальные и неофициальные курсы (от 60 копеек до 30 рублей)

и потому не поддавались однозначному переводу в доллары.

Молодой российский бизнес, полный энтузиазма от открывшихся грандиозных рыночных перспектив, анонсировал невероятные проекты привлечения инвестиций, оперируя суммами в сотни и даже миллиарды долларов. Одно время в «Интерфаксе», чтобы не смешить западных читателей, действовало правило с порога отвергать все сообщения о проектах, в которых шла речь об инвестициях «в миллиарды долларов», как фантастические.

Российские бизнесмены, давая интервью, всячески избегали конкретики. Бывали случаи, когда сенсационные новости о западных инвестициях просто было невозможно написать, так как никто не мог правильно воспроизвести название зарубежного партнера. «Кажется, компания называется Брат Уитни», – неуверенно предполагал, например, ньюсмейкер.

Зато гарантированным источником активности были биржи. Новости с торговых площадок, в которых сообщалось о продажах трусов, самолетов, куриных яиц и одноразовых зажигалок, шли со всех концов России.

Весь этот мутный (по крайней мере, на первых порах) информационный поток наткнулся на установленные в агентстве требования, соответствующие сложившимся на Западе информационным стандартам.

Новости отправлялись на перепроверку, если невозможно было понять статус описываемого проекта: это смелое желание или факт, вытекающий из подписанного контракта? Или если представитель российской стороны говорил о планах некой международной корпорации инвестировать в СССР пару миллиардов долларов, а «Интерфакс» не мог получить подтверждения относительно этого у партнера.

По мере того как шло накопление знаний и опыта, «Интерфакс» начал расширять спектр экономических продуктов. С начала 1991 года стал выходить еженедельник «Внешняя торговля», затем ежедневный англоязычный бюллетень Soviet Business Report, а со второй половины 1991 года – отраслевые издания по нефти и газу, сельскому хозяйству и банковскому сектору.

Каждый из этих продуктов внес свой вклад в «гласность» – в экономической сфере. В 1991 году почти в каждом выпуске появлялись еще недавно секретные, а теперь сенсационные и очень важные для оценки рынка данные. Например,

о суммарной мощности элеваторов в СССР, о запасах месторождений нефти и газа, объемах закупок зерна или запасов золота в Госбанке...

Начало и середина 1990-х запомнились кровавыми межнациональными конфликтами и политическими потрясениями. Менее кровавые, но не менее жестокие «боевые действия» начались в этот момент и в российском бизнесе.

Чего только стоила война между российскими металлургами и их бывшими партнерами – британской Trans World Group! Это было затяжное сражение, в эпицентре которого оказались и корреспонденты «Интерфакса». Наши новости были похожи на вести с фронта: «НЛМК прекратил отгрузку металла в адрес TWG», «TWG грозит арестом собственности за рубежом», «Металлурги объединяются для защиты от TWG».

К тому моменту интерес подписчиков «Интерфакса» – а это были в основном крупнейшие мировые компании, присматривающиеся к гигантскому рынку и промышленному потенциалу новой России и стран СНГ, – сводился в основном к трем основным отраслям: нефть, металлы, финансовый сектор. «Интерфакс» ответил на этот интерес созданием первых в России отраслевых

Российские бизнесмены, давая интервью, всячески избегали конкретики. Бывали случаи, когда сенсационные новости о западных инвестициях просто было невозможно написать, так как никто не мог правильно воспроизвести название зарубежного партнера

ИЗ АРХИВНОЙ БАЗЫ «ИНТЕРФАКСА»: ПЕРВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НОВОСТИ АГЕНТСТВА

01/06/1990 БИЗНЕС-КЛУБ / BUSINESS CLUB

ТУРКИ СОЗДАЮТ КОЖЕВЕННОЕ СП НА ЮГЕ РОССИИ

Несколько советских организаций намерены создать совместное предприятие по переработке кож и пошиву кожаных изделий для последующей продажи их за рубежом. Реализовывать на советском рынке планируется только ту часть продукции, которая будет необходима для покрытия рублевых затрат. Иностранцы партнеры – торговый дом «Генай» (Стамбул) и фирма «Тоскано» (Измир) – поставят оборудование и технологию для выделки около 1 млн. штук свиных и овечьих кож в год.

Ориентировочно вклад турецкой стороны оценивается в \$1 млн. Советский вклад – земля, инфраструктура и основные сооружения. Советско-турецкие переговоры, начавшиеся в ноябре 1989 г., как ожидается, завершатся подписанием соглашения в течение двух месяцев.

Рост и падение рынков, создание, слияние и ликвидация компаний — все это происходило на наших глазах. А значит, наши читатели узнавали об этом первыми. И мы будем стремиться к тому, чтобы так было всегда

агентств — нефтяной, металлургической, финансовой информации.

На глазах наших корреспондентов формировалась российская нефтяная отрасль, создавались новые нефтяные компании, перераспределялись их сферы влияния, перекраивался рынок. Самой эпической была история «Славнефти», за которую боролись могущественные нефтяные кланы. Участники сражения активно использовали PR — запускали аэростаты, раскрашивали в свои цвета троллейбусы. Схватки шли в судах и в офисах, а потом — на аукционе, где победила... дружба. И мы первыми сообщили об этом.

Кризис 1998 года вынудил компании мобильной связи превратить некогда элитную услугу в массовый товар. Это стало триумфом «новой экономики», не базирующейся на приватизированных советских активах. Тогда же в «Интерфаксе» появилась специализированная новостная служба по рынку телекоммуникаций.

В 2000-е окрепшие отраслевые информационные службы «Интерфакса»

«из первых рук» рассказывали о ключевых реформах — пенсионной, страховой, реформе РАО «ЕЭС», массовом выходе крупнейших компаний на мировой фондовый рынок.

«Кто есть кто в новой экономике?» — вот главный вопрос того времени. Мы ответили на него, создав СПАРК — крупнейшую в России информационно-аналитическую базу данных по компаниям, где сначала можно было найти данные об 1 миллионе, потом и о 4,5 миллиона компаний. Сегодня эта цифра превысила 12 миллионов — СПАРК объединил информацию о всех официально зарегистрированных в России компаниях и индивидуальных частных предпринимателях. Затем появилась информация о компаниях Украины и Казахстана.

Рост и падение рынков, создание, слияние и ликвидация компаний — все это происходило на наших глазах. А значит, наши читатели узнавали об этом первыми. И мы будем стремиться к тому, чтобы так было всегда.

ИЗ АРХИВНОЙ БАЗЫ «ИНТЕРФАКСА»: ПЕРВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НОВОСТИ АГЕНТСТВА

27/12/1990 12:18 НОВОСТИ «ИНТЕРФАКСА» (RealTime, Ru, En)
«МЕНАТЕП» ПОВЫШАЕТ ПРОДАЖНУЮ ЦЕНУ СВОИХ АКЦИЙ

Межбанковское объединение «Менатеп», приступившее 27 декабря к беспрецедентной для СССР свободной продаже своих акций всем желающим, сообщило о прекращении объявленной продажи своих акций по номиналу (1000 и 10 000 руб. при фиксированном дивиденде 12%) и введении надбавки на их стоимость: для частных лиц — на 20%, для юридических лиц — на 30%. Однако, как сообщили «ИФ» в «Менатепе», пока никого из покупателей это не смутило.

В настоящее время в очереди за акциями «Менатеп» стоят более 5 тысяч человек...

03/01/1991 13:35 «ИНТЕРФАКС-БИЗНЕС» (Daily, Ru, En)
ПЕРВЫЕ ТОРГИ НА ФОНДОВОЙ БИРЖЕ В МОСКВЕ — ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ

Московская центральная фондовая биржа объявила о проведении в конце января — начале февраля первых пробных операций с акциями коммерческих советских предприятий.

Как сообщил «ИФ» Генеральный директор биржи Виктор Баша, к продаже будут предъявлены акции коммерческих организаций Ленинграда, крупных промышленных предприятий и банков Украины и Урала, некоторых коммерческих банковских объединений...

Новое в СПАРКе 2009

Август

В СПАРКе обновлена информация по юридическим лицам. По данным Росстата, за второй квартал 2009 года количество организаций выросло на 103 тыс. и достигло 6 млн. 849 тыс. (из них 4 млн. 917 тыс. действующих). Все эти компании и организации теперь представлены в СПАРКе

Июль

Обновление годовой финансовой отчетности за 2008 год, начавшееся в апреле с наиболее крупных компаний, к концу июля охватило более 14 000 юридических лиц, то есть практически весь крупный и средний российский бизнес. Новые данные поступают в СПАРК из различных источников, в частности, по каналам региональной сети Группы «Интерфакс»

СПАРК пополнился информационными модулями по Украине и Казахстану и стал международной базой данных.

Общее число компаний и предпринимателей, информация о которых содержится в СПАРКе, превысило в результате запуска новых модулей 12 млн. В дальнейшем, как предполагается, система будет пополняться и за счет данных из других стран СНГ, в которых активно работает Группа «Интерфакс»

В новой версии СПАРКа появилась возможность он-лайн заказа выписок из ЕГРЮЛ по российским компаниям.

У каждого из подписчиков СПАРКа теперь есть возможность бесплатно заказать эту информацию. Максимальный срок подготовки выписок – 1 рабочий день

Май

Произведены изменения в разделе «Совладельцы» карточки компании в СПАРКе. В закладке «Росстат» раздела «Совладельцы» теперь отображаются данные только на те даты, когда происходили изменения состава совладельцев или их долей по сравнению с предыдущей датой

Февраль

В СПАРКе обновлены данные реестра юридических лиц Росстата. С сентября прошлого года количество зарегистрированных предприятий возросло в России на 130 тыс. и, таким образом, после загрузки новых данных, общее количество предприятий в СПАРКе достигло теперь 6 млн. 600 тыс. (включая ликвидированные компании)

Январь

В аналитический отчет «Финансовая статистика» и раздел «Оценка финансового состояния» карточки компании были добавлены следующие показатели:

- Дебиторская задолженность
- Займы и кредиты

Оптимизация базы данных СПАРК и обновление ее оборудования позволили значительно увеличить скорость поиска компаний. Если в начале 2008 года среднее время поиска по реквизитам составляло 3 секунды, то в конце 2008 года это время сократилось до 0,7 секунды

В функционал «Поиск по реквизитам» добавлена возможность поиска компаний по номеру телефона

В аналитическом блоке в разделах «Ранжирование банков» и «Ранжирование страховых компаний» добавлен функционал, позволяющий самостоятельно выбирать количество записей на одной странице аналитического отчета

Предоставлена дополнительная возможность просматривать финансовую информацию не только в долларах или рублях, но и в Евро (EUR)

НУЖНА ПОЛНАЯ КАРТИНА?

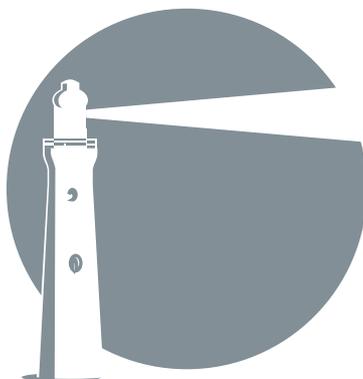
**СПАРК -
полная картина
российского бизнеса**

- крупнейшая база данных по компаниям РФ
- официальная информация из более чем 10 различных источников
- уникальные аналитические возможности

продукт Группы

интерфакс
INTERFAX

Первые 20 лет!

Точные ориентиры в политике и бизнесе

1989-2009

ПЕРВОЕ

негосударственное агентство в СССР

ПЕРВОЕ

агентство финансовой информации

ПЕРВАЯ

общероссийская сеть
региональных информагентств

ПЕРВАЯ

информационно-аналитическая система
о компаниях – СПАРК

ПЕРВЫЙ НА ИНФОРМАЦИОННОМ РЫНКЕ РОССИИ И СНГ